

18+
Виктор
Амутных

6

ПЬЕС

ТЕАТР
СОПРОТИВЛЕНИЯ



Виталий Амутных

Театр сопротивления. 6 пьес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67028896

ISBN 9785005588791

Аннотация

«Это, по слову Сергея Есина, можно назвать «эстетическим экстремизмом». Можно – эпатажем, что одно и то же. А можно – и отчаянным воплем высокого таланта, пытающегося вырваться из клетки условностей; воплем, до каждой ноты продуманным, поскольку эстетика трактует не только прекрасное, но и безобразное. Кто скажет, что нынешняя жизнь сплошь прекрасна? Солжет. Амутных не говорит этого – не хочет лгать, хотя это и не легко». «Московская правда». Ф. Саганов.

Содержание

Театр сопротивления	5
ОГЛАВЛЕНИЕ	5
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:	15
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Театр сопротивления

6 пьес

Виталий Амутных

© Виталий Амутных, 2021

ISBN 978-5-0055-8879-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИТАЛИЙ АМУТНЫХ

Театр сопротивления

шесть пьес

ОГЛАВЛЕНИЕ

Театр сопротивления...

ВСЮ ЖИЗНЬ А ТРАВЕСТИ —

НЕ С КЕМ АРЕМЯ ПРОВЕСТИ.....5

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СПРАВОЧНИК АКВАРУ-
МИСТА...

СУХИЕ СУЧЬЯ...

НАД ОБРАГОМ...

БЕЛАЯ ОРХИДЕЯ ДЕКАДАНСА.....

Писать искренне нелегко при любом режиме, разумеется, если ты не скрепил своей дрожащей подписью некий договор с этим самым режимом – договор самый настоящий, на бумажном листке формата А-4 отпечатанный, или конвенцию, так сказать, умозрительную, но обеим сторонам изначально представляющуюся вполне недвусмысленной. И люди «умные» всегда успевают сориентироваться вовремя, тем самым обеспечивая себя возможностью оставаться наплаву. Вот пример: как справедливо замечал Василий Витальевич

Шульгин, отымите-де у Ленина миллионы Шиффа, «и он потонул бы в волнах хаоса, как всякий другой». Если же кто-то из лениных, или приказных крючков, или кто из литераторов не сумеют или не пожелают воспользоваться мощью локomotива, где-то, может, слегка покривив душой, то рассчитывать им на заинтересованность общественного мнения не приходится. Ибо широкая аудитория, следуя естественно-шудрянскому инстинкту, всегда выбирает победителя – то есть, на ее взгляд, правого

А правым, как демонстрирует история, при всяком новом ни то, чтобы повороте, но, скорее... встряхивании общества, становится недавний неправый. И вот – диво дивное – прямо на глазах все перевертывается: тот, кто давеча обличал насилие – сам насилует, кто критиковал цензуру – сам цензурирует, кто призывал к свободе – строит новые каменные мешки, заполнив уже прежде имевшиеся.

Но я не позволил бы себе беззастенчивости указать кому-либо правильный, на мой взгляд, единственно верный ответ на основополагающие вопросы – «кто виноват?» и «что делать?» Пусть каждый самостоятельно, доверившись собственному взору, посмотрит кому же сегодня, какому такому племени, чьему сознанию принадлежит власть, какому такому режиму. Разумеется, ваш пронизательный взор не станет принимать за правителей местных управителей, надзирателей, комичных креатур, поставленных по провинциям, по сырьевым колониям собирать подати да отправлять

собранную дань в центры перераспределения средств. Нет, речь о реальной власти, подтвержденной не пустыми цифрами в неких абстрактных денежных счетах, которые какому-нибудь там колониальному «президенту» даже перевести в золото не позволят, а выдают из них лишь ничтожную толику на всякие глупые игрушки. Нет, речь о всамделишных хозяевах финансовых и сырьевых потоков, тех, кто подлинно владеет сегодня промышленностью, природными богатствами, средствами пропаганды наконец. И если чьи-либо наблюдения достоверно (непрерывно – достоверно) покажут, что при нынешнем режиме хозяевами банков, владельцами заводов, газет, пароходов, учебных заведений и театров, оказывается, являются, допустим... монголы, я буду предельно благодарен такому человеку за проявленные наблюдательность и аналитическое осмысление предмета.

Не то, чтобы нынешний режим был отличен неведомой миру свирепостью. Что тут вообще может случиться нового? Но авангард этого теперь процветшего сообщества осмысленно отринул себя от попираемого большинства. Прямо скажем, тоже не новаторство. Однако признаемся, такой выпад не может внушить «чувства глубокого удовлетворения». Хотя есть в нем и своя положительная сторона. А состоит она в том, что данное вполне типическое системное свинство предоставляет как бы карт-бланш для противодействия ему людей доброй воли. Всеобъемлющее свинство – отпор всеми известными способами. Что ж, как замечал один еврейский

драматург, для того, чтобы победить дракона, необходимо иметь своего собственного. Здесь, безусловно, кто-нибудь из пацифистски настроенных личностей вправе был бы заговорить о порочном круге. Только круг этот ничуть не более порочен, чем весь здешний миропорядок со всеми его причинно-следственными связями, всеми извечными космическими закономерностями. Вот так, смелым Бог владеет, пьяным черт качает!

Всёконечно, нынешний режим имеет свою обслугу, своих поклонников. Но есть у него и, ох, как немало противников. А эти противники прекрасно знают, что нет ничего незыблемого в нашем мире. И уж нерушимых режимов-то точно не бывало. Придет конец и этому. Полетят клочки по заучкам, как то уж случилось с его прототипами многожды. Опять – визготня о несправедливости, о коварстве, об ущемлении и жестокосердии... Вот тогда-то избыточно нежным, особенно чувствительным и патологически простодушным очень-но желательно было бы, коль скоро нет возможности положиться на верность собственной нервной системы, весьма полезно было бы тогда воспользоваться средством, рекомендованным Одиссеем против подлых голосов немилосердных сирен – покрепче заткнуть уши воском.

Однако, лень не кормит, а только пучит. Не разгрызешь ореха, так не съешь и ядра. И еще: в лес не съездим, так и на полатах замерзнем. Значит, опрометчиво терять время. Неразумно отодвигать день собственного освобождения.

Конечно, при каком угодно режиме не много найдется желающих писать что-либо против него. Историческая память подкидывает такие имена, как Александр Николаевич Радищев, Серран де Кресто, Даниель Дефо, Александр Александрович Бестужев... Но теперь нет надобности в Index Librorum Prohibitorum; теперь ежели и найдутся смельчаки литераторы, сознающие, что нет ничего опаснее для оккупационного режима, чем личная инициатива гуманистически настроенных умов, вряд ли найдутся охотники печатать их произведения. А и найдись герой среди издателей, с таким ли уж одушевлением воспримет его труд публика, добрых полтора столетия развращаемая гипнозом глупых принципов и химерических теорий. Какие такие потаенные намеки жизни, глубинные сути способен разглядеть человек, коль скоро его удалось убедить, будто основой, первоэлементом, его существования, символом веры являются комфорт и веселье? Ну а в случае вероятных в народе проблесков сознания – у режима всегда остается возможность ослабить общественный ум критикой. Благо, вся машина пропаганды, со всем штатом механиков, ремонтников, водителей и декораторов, всецело в его руках. Не удивительно, что у наблюдающего таковскую картину социальных настроений смельчака-литератора просто обязаны в безнадежном бессилии опуститься руки. Собственно на это и был сделан расчет кураторами системы, не так ли?

Однако... Однако, помните, замечал Джордж Оруэлл:

«Во времена тотальной лжи, повторение элементарных истин становится революционным действием». Что ж говорить о стремлении служения им! И еще вспомним такие слова из книжки достаточно популярного компилятора: «Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю». Ведь режим этот не новость какая. Десятки и сотни раз являлся он в те страны и к тем народам, которые по каким-либо причинам упали в духовную немочь. Ибо только тиранией жесточайшей хвори можно объяснить то, что принципы и мнения, еще недавно признававшиеся данным народом позорными или преступными, вдруг неким недобрым волшебством преобразовывались бы в явления естественные и даже – похвальные, становились новым законом. Всякий раз ревнители этого режима «работали» прежде всего с представителями низших каст. Обещали невозможное, развращали призраками неограниченной свободы и неутрачивающих наслаждений, в этом мире или потустороннем – не важно, делая ставку на алчность и ненасытность толпы, ее вечный поиск примитивных выгод. А цвет нации тем часом мало-помалу уничтожался... физически. Но чем всякий раз завершался этот шабаш? Тем же, чем завершится он и в этот раз. Вильгельм Марр, например, пишет так: «Только после того, как эта диктатура достигнет своей высшей точки, „неизвестный бог“, возможно, придет нам на помощь...» Конечно, вовсе не исключено, что «жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе»...

Время от времени они приходят в нашу жизнь, как фермент, как окислитель, разъедая и разрушая все состарившееся, отжившее, обессилевшее, разложившееся, извечно строя свои расчеты на слабостях избранных ими жертв – на жадности и страхе, тех пороках, которые с легкостью отдают человека в распоряжение покупателя его деятельности. Те же, кто не хотят растворяться в желудке всегда нового, но на самом деле такого старого порядка, всечасно имеют шанс побороться за свою собственную свободу. Возможно, данное мероприятие затребует немалую цену и множества хлопот. Но в любом случае это приемлемей, и точно – приличней, нежели безропотно покориться нависшим над нами пепсино-липазным устроителям нового старого земного блаженства.

Если Тебя, уважаемый читатель, привлекло в названии данной книги слово «театр», если Ты пытаешься посредством сценического действия постигать мир, а, может быть, и предлагать ему плоды своих напряженных раздумий, – возможно, в этом сборнике пьес Ты найдешь что-нибудь для себя. Ведь искусство, прямо скажем, хоть и не самый результативный метод отстаивания своего духовного пространства, все же и оно в общем деле может сгодиться. Уж во всяком случае, все лучше таким способом защищать «элементарные истины», чем трескать водку, лежа на диване, не правда ли? Говорят, что – судьба! Слишком уж небольшое от нас зависит... А многого и не надо. Не позволить отучить нас от раз-

мышлений, вызывающих отпор насильничанью. Не позволить и толкование наших суждений по их отработанному образчику. Не позволить подменить природный для нас принцип духовности арифметическими расчетами и бесконечным поиском плотских выгод. Вот, собственно, та скромная цель, ради которой и была написана эта книга. Я сделал что мог и теперь передаю ее как эстафетный предмет в Твои, Читатель, руки. Теперь уже все зависит от Тебя.

Виталий Амутных.



ТРАГЕДИЯ

BUBBLE

ВСЮ ЖИЗНЬ В ТРАВЕСТИ -
НЕ С КЕМ ВРЕМЯ ПРОВЕСТИ

Смешить без разума – дар подлая души.

Александр Петрович Сумароков

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТЕТЯ КАТЯ – уборщица. Пожилая женщина, крупная и крепкая.

БОГДАН НЕТУДЫХАТКА – артист 2-й категории. Холерик с очень подвижной психикой.

КИРИЛЛ СТОЖАРОВ – залетный режиссер. Столичная штучка; в общении прост, но никогда не допускает амикшонства.

ТАБАКИ – артист высшей категории, премьер театра. Круглый красный нос, обширная плешь, длинные седоватые прядки по краю ее.

ВАЛЕНТИНА БУКЕТОВА – артистка 1-й категории. Женщина видная, обладает чувством юмора.

КРИСТИНА ДРЫГА – молодая артистка. Носит очень высокие каблуки, походку имеет странную.

НАТАН КЛЮВГАНТ – директор театра. Страдает диабетом, гипертонией, атеросклерозом, подагрой, микседемой, псориазом, гемофилией, тетанией, почечуем, а в данный момент на его лице заметны еще и симптомы острого гепатита; тем не менее весьма энергичен, а подчас и агрессивен.

ДЖАЛИЛЬ ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ – заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Спортивный веселый человек.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАРАТЫГИН – ветеран сцены.

Не чужд пафоса, моментально обращает на себя внимание крайне редко встречающимся превосходным произношением и отточенной дикцией.

ДИЗАЙНЕР – одет элегантно, подвижен, говорит очень быстро, просыпая в единицу времени в два или в три раза больше слов, чем любой человек.

ДАМА В БАЛЬНОМ ПЛАТЬЕ – владелица салона по прокату свадебных нарядов.

ГОСПОДИН В ЧЕРНОЙ ПАРЕ – владелец похоронного бюро.

РАБОТНИКИ ТЕАТРА

Сцена небольшого театра. Горит «служебный свет». Еще включена пара случайных софитов. Задник приподнят, за ним из сумрака выступает свалка фрагментов декорационных конструкций и откровенно театральной мебели.

Посреди сцены уборщица в синем линиялом сатиновом халате швабрит подмостки. Чавкает тряпка, шлепает, брошенная на дощаной пол. Другие звуки сюда не долетают. Вероятно, время приближается к полудню, то есть для здешних обитателей это – утро.

Журчит струя воды, падающая в ведро из выжимаемой тряпки. Чав... Шмяк... Откуда-то из сердца тишины возникает звук шагов. За вечно временным складом декораций появляется бредущий силуэт. Раздается негромкий чих.

ТЕТЯ КАТЯ (ни на секунду не отрываясь от своего за-

нятия, не оборачиваясь на звук). Будь здоров, будь здоров, Богдаша. Что это в такую рань принесло?..

БОГДАН (*сначала откуда-то из темноты, затем, зло пиная подворачивающийся под ноги хлам, выбирается на свет, держа в руках стул*). Та чё... Уже одиннадцатый час. (*Смотрит, где бы пристроить стул*). Да это... Натан Фридманович собирает. Перед генеральной хочет чего-то сказать. Здрасьте, тетя Катя.

ТЕТЯ КАТЯ. Так это ж когда. В двенадцать! А сейчас еще-то...

БОГДАН. Ну... Подожду. (*Усаживается на стул. Достает из карманов какую-то мелочь, начинает ее пересчитывать*). Все равно... Денег – вон... Так бы хоть можно было... Не знаю... Да если бы деньги, так можно было бы хоть и на море смотнуться. Покататься вдоль вечнозеленого берега на белом кораблике с поэтическим именем «Белая акация»...или «Актиния»...

ТЕТЯ КАТЯ. Передавали, что раньше мегаяхтой называли яхту, ежели пятьдесят метров была. А теперь не то, теперь, если хочешь мегаяхту купить, то должна быть семьдесят метров. А лучше – так и сто.

БОГДАН. Тетя Катя, вы меня пугаете.

ТЕТЯ КАТЯ. Больно ты пугливый. Вот и фамилия у тебя такая – Нетудыхатка. Жениться тебе надо, вот что.

Мелочь высыпается из руки Богдана и с отчаянным звоном, умноженным пустотой пространства, скачет

по полу сцены.

БОГДАН. Теть Катя, что я вам плохого сделал?!

ТЕТЯ КАТЯ. А что ты сделал? Ничего не сделал.

БОГДАН. Так за что вы мне такого желаете? Я уже имел удовольствие. Было очень интересно. Больше не хочется.

ТЕТЯ КАТЯ. Ой, а мне-то нравилось, как вы вместе в спектаклях представлялись. Я всегда смотрела. Ой, хорошо представлялись! Хотя Анжелка твоя, конечно, девушкой была злобчивой...

БОГДАН. Злобчивой... Само зло! Олицетворенное.

ТЕТЯ КАТЯ. А может, и того... не распробовал.

БОГДАН. Да нет, тетя Катя, очень даже распробовал. (*Собирает с пола мелочь*). Вот уже который год, домой приходишь, да как вспомнишь, что и там ее нет, и тут ее нет, так... так просто чувствуешь, что счастьем дышишь.

ТЕТЯ КАТЯ. Чтобы вы всегда были уверены в свежести дыхания везде и всюду, – ополаскиватель «Колгейт-плакс». Двенадцать часов защиты от бактерий и свежее дыхание надолго. Рекомендация стоматологов.

Богдан с изумлением смотрит на свою визави. А та ничтоже сумняшеся продолжает работу. Чавкает, шлепает мокрая трепка. Издали доносится мявканье голодной кошки... Тетя Катя выпрямляется, кричит куда-то вверх.

ТЕТЯ КАТЯ. Аю, Петрович, здесь ты?!

Тихим невнятным ворчанием отвечает ей темнота,

– и становится понятно, что помимо этих двоих сумеречное пространство приючает еще какие-то существования.

ТЕТЯ КАТЯ, Петрович, ты того, сюда фонарь включи! А тот выключи! Выключи тот! Правильно, я ж и говорю тоже, что экономика... Экономия... Туда выключи! А сюда включи. Да, а то ж не вижу ничего.

Слова уборщицы сопровождаются почти мистическим миганием фонарей, пока один из них, наконец, не высвечивает интересующую Тетю Катю часть сцены.

ТЕТЯ КАТЯ. Во-от, это теперь хорошо!

Журчит вода... Чмокает тряпка... Мяучит кошка. Вдруг откуда-то из глубины сцены доносится велегласный грохот, а вслед за ним пролетает несколько ругательств.

ТЕТЯ КАТЯ. Что за лось у нас в лесу?!

В ответ опять грохот, правда, не столь значительный, и вновь -пара табуированных слов, но уже высказанных не столь экспансивно.

ТЕТЯ КАТЯ. Сразу видать, не наш. Здешних троп не знает.

Появляется Кирилл. Он идет, смахивая с себя какую-то труху, поругиваясь тишком, теперь уже как-то умиротворенно.

БОГДАН (все еще с мелочью в руках). О! Кирилл! Наше

почтение светочу режиссерской мысли. Хорошо тебе...

КИРИЛЛ. Добрый день. Отчего бы это мне было так хорошо?

БОГДАН. Ты птица вольная. К одному театру не привязан. Ставишь, где хочешь...

КИРИЛЛ. Или, где удастся...

БОГДАН. Да хоть бы и так. А я вот сижу, – копейки считаю. И так считаю, и так перекладываю, а их почему-то больше не становится. Вот.

ТЕТЯ КАТЯ. Просыпайся первым с «Нескафе-классик» и успеешь сделать свое утро действительно приятным. Покупай акционную банку «Нескафе-классик» и получи пятьдесят тысяч...

КИРИЛЛ. Феноменально! Вы уже приобрели эту банку... с деньгами?

Но Тетя Катя, похоже, выдает подобные тексты произвольно, поэтому теперь она ощущает даже некоторое смущение и вот молчит, нескладно изображая отстраненность.

Возникает и вдруг обрывается какая-то немудрящая мажорная мелодия – одна из тех, под которые обыкновенно в учреждениях для общественного воспитания детей дошкольного возраста демонстрируют хореографические и вокальные таланты его обитатели. Это звукорежиссер, готовясь к репетиции, опробует фонограммы. В

дальнейшем музыка так же будет возникать – время от времени, в нелогичных, казалось бы, сочетаниях разнovidных обрывков, прослоенных вдобавок всякими техническими шумами. Среди музыкальных фрагментов и фраз будут встречаться и всевозможные звуковые эффекты, как то – стук, треск, кряканье, птичий щебет, звук льющейся воды, шум ветра и проч., с весьма неестественной, «театральной» передачей.

КИРИЛЛ. Ты слышал, бедный, но гордый артист? Доносили до меня слухи и прежде – деньги лежат в банке. Но я предполагал, что у этого слова другое значение. Ан нет, деньги все-таки лежат в жестяной кофейной банке!

БОГДАН. Да чтоб они пропадом провалились!

КИРИЛЛ. Кто? Что? Деньги?

БОГДАН. Да все! Все эти банки вместе с их ростовщиками. Вместе с их обслугой. Все эти мерзкие рожи – первоэлемент и фундамент нынешнего режима. (*Чихает*). О! Значит, правда!

КИРИЛЛ. Да что ты так?.. Взвился! Положим, рожи ростовщиков большей частью и впрямь не чаруют обаянием... Но, что уж так?..

БОГДАН. Да вот так! Они ж оттягали у людей все их жизненное пространство. Они пропитали продуктами своей жизнедеятельности каждую его пядь, каждый кубический сантиметр воздуха. Их миазмы спеленали нашу волю, про-

питали наши сердца, души, навязали иной, чужой, чуждый способ существования... (*В сердцах запускает пригоршню мелочи в зрительный зал*). Ведь у них же все навыворот тому, что считается приличным у нормальных людей! Ведь то, что они именуют умом, у людей является мерзостью. Ой, это такой умный человек, вы себе не представляете! Он дал кредит одной семье, а те, как ни жилились, как ни пыжились, вернуть долг с назначенными им процентами таки не смогли. И он забрал их квартиру (кстати, в очень престижном районе города), забрал их бизнес, забрал их подержанную машину и даже велосипед. Он все это быстро реализовал, и тут же под хороший таки процент, одолжил кредитом еще троих. Это ж какой умный человек! Это же золотая голова! Теперь вот два года, как у него свой банк. Теперь он ест черную икру, как раньше ел ржавую селедку. Впрочем, ржавую селедку он не ел никогда, но это так – ради красивой фигуры в речи. Какой умный человек! Умный?! Это ум?! А в моем народе это называется паскудством.

ТЕТЯ КАТЯ. О, дает!

БОГДАН, И, пока общество еще не было отравлено их мизмами, их токсинами, таких вот «умных» здешний Закон...

КИРИЛЛ (*который все это время с возрастающим вниманием слушал сию пламенную тираду*). В вашем театре...

БОГДАН. И в нашем театре. И не в нашем театре. И вообще не в театре. Всюду! Всюду распространяется зловонный яд этого режима. Такой тоталитаризм Советскому Союзу да-

же не снился! Рыночное общество! Это ж надо было измыслить такое! Конечно, всякому человеку приходится на рынке бывать. Но, чтобы рынок поставить в центр общественных интересов! Кухонное общество – тоже было бы неплохо. Каждый человек, известно, посещает еще туалет. И не раз на день. Так почему бы ни декларировать туалетное общество? Или это вопрос времени?

КИРИЛЛ. В вашем театре я собираюсь ставить спектакль...

БОГДАН (*он так возбужден, что просто не в состоянии выбирать, обмозговывать слова; они хлещут из него, как лавина воды из прорванной плотины*). В нашем театре невозможно ничего поставить. В нашем театре ты будешь ставить то, что тебе назначит ставить Фридмановичь – директор наш. Ну, и пара-тройка его пособников.

КИРИЛЛ. Ты ошибаешься. Уже существует договоренность о том, что я сам выберу пьесу. Да и в постановочный процесс, мне пообещали, никто вмешиваться не станет. Но проблема для меня в другом состоит. Мне нужен актер на главную роль...

Богдан, повинувшись актерскому инстинкту, невольно, подобно пойнттеру, «делает стойку»...

КИРИЛЛ. ... способный высказываться свободно, независимо. Человек, который может, не оглядываясь на общественное мнение, говорить правду.

Богдан вдруг как-то обмякает.

КИРИЛЛ. Ты понимаешь, времена имитации на театре прошли. Уже никто не поверит никаким переодеваниям, наклеенным ресницам и заученным текстам. От всяких развлекушек вменяемых людей давно тошнит, как от переедания пирожных. Нужен актер, который мог бы не просто зазубрить драматургом написанные слова, но... превратить слово в действие.

БОГДАН. Мейерхольд говаривал, что «слова – это только причудливые узоры на канве поведения».

КИРИЛЛ. Довольно остроумно подмечено. Но это обычные слова. Однако ведь иногда слово становится действием. И даже поступком! Короче, нужен актер, который мог бы говорить правду.

Шлепает мокрая тряпка.

ТЕТЯ КАТЯ. Правда у каждого своя.

КИРИЛЛ. Да-а? Это выгода у каждого своя. А правда... Правда – она одна, что бы там ни измышляли Богданом только что помянутые ростовщики и прочие торговки, которые и на этой ниве норовят подзаработать!

БОГДАН (*несмело*). Все, что я говорил, – правда...

КИРИЛЛ. Пожалуй. Но так вот – втихаря за плотно закрытыми дверями – кто ж не любит иной раз правду резануть? Нет. Нужен артист, нужен человек, который бы ничего не боялся, мог изъяснять свою душу открыто и страстно.

БОГДАН. Ну, почему бы не попробовать меня?.. Если не подойду...

КИРИЛЛ. А что ты играл последнее время?

БОГДАН. Ну-у... Это... Да я не играл особо... Ежа играл. Грибов разных... Ерунда, конечно. Гарри Поттера два года назад играл.

КИРИЛЛ. Понятно, травестийная такая программа. Но вечером-то в вашем театре взрослый репертуар дают.

БОГДАН. Дают.

КИРИЛЛ. Ясно. А давай так. Заключение условие, вроде как пари: сегодня целый день говоришь правду. С кем бы ни пересекся, какая бы в разговоре ни возникла тема, – говоришь только то, что действительно по этому поводу думаешь, самую, что ни на есть, подноготную; раскрываешь себя полностью. А? Идет?

БОГДАН. И-и...

КИРИЛЛ. И, если ни разу не отступишься, душой не покривишь, – поручаю тебе главную роль в первом составе. Или нет, чтобы уж и мой заклад был весомым, – быть твоей роли в единственном составе. Что скажешь??

БОГДАН. О-о... И-и... А-а... Давай. Фух, я аж вспотел.

ТЕТЯ КАТЯ. Даже наилучшие духи бессильны против запаха пота. Антипреспирант «Рексона». Коллекция эксклюзивных ароматов!

КИРИЛЛ. Ты даже не хочешь узнать, какая будет роль? Что за пьеса?

БОГДАН. Я? А-а... Нет.

КИРИЛЛ. Почему?

БОГДАН. Ты когда-нибудь играл ежей?

КИРИЛЛ. М-м... Нет. Смелого Зайца играл. Когда-то.

А что?

БОГДАН. Ну, вот. Если бы ты столько, сколько я зверушками да младенцами представлялся... Жизнь-то проходит. Хочется хоть что-то сделать в ней. А как же ты будешь проверять, то ли я говорю, что думаю?

КИРИЛЛ. Да ведь с института друг друга знаем. Ка Эс Станиславский: «Сознательное и верное рождает правду, а правда вызывает веру, а если природа поверит тому, что происходит в человеке, она сама примется за дело».

БОГДАН (*подхватывает, продолжает*). «Это значит: в условиях жизни роли и в полной аналогии с ней правильно, логично, последовательно, по-человечески мыслить, хотеть, стремиться, действовать, стоя на подмостках сцены – переживая роль...»

КИРИЛЛ. Помнишь? Так что в этом плане, уверен, никаких сложностей не приключится. О, смотри...

В противоположной части сцены появляется Табаки, появляется столь внезапно, словно он каким-то чародейским способом соткался из воздуха, из серебристой пыли, мерцающей в луче прожектора.

КИРИЛЛ (*негромко*). Смотри, этот, как его... Как-то вы его забавно здесь кличете...

БОГДАН. Табаки.

КИРИЛЛ. Во-во, шакал Табаки. Вот и первый оселок твоему правдословию.

ТАБАКИ (*приближаясь*). О чем на площадях толкуют, Лаоника?

Сбирается ли чернь на праздник сей великий?

Шучу. Приветствую вас, молодые люди! (*Весело, как бы незначай*). Какого такого осла обсуждали?

Кирилл и Богдан невольно переглядываются.

БОГДАН. Осел? Речь шла об оселке. Вы недобросовестно подслушивали.

ТАБАКИ. Шучу. Шу-чу!

КИРИЛЛ. А какому такому великому событию посвящена ваша аллюзия?

ТАБАКИ. Да ведь Натан Фридманович, вроде как, всех собирает перед генеральной репетицией, чтобы сообщить что-то важное... Разве не знаете? Нет? Ну-у, я имею в виду, что-то такое приходилось слышать краем уха... А я только с пати возвращаюсь.

КИРИЛЛ. Пьянка с утра?!

БОГДАН. Это круто.

ТАБАКИ (*рисуюсь*). Началось-то, конечно, вчера, да я вот только вырвался. Супруга Аркадия Семеновича, мэра нашего, бутик открыла. Ну, вы ж понимаете (*подмигивает*), трусики, там, с цепочками всякими баксов эдак за пятьсот. Лифченочки – за тысячу. Валентино-шмалентино, Версаче-шмерсаче... Аркадий Семеныч такую поляну накрыл! О-ой... Ну,

позвонил мне, понятно, ты, говорит, в нашем городе артист первый, человек от искусства, культурный, приезжай, говорит, а то все эти олигархи – сухари сухарями. Ладно, согласился. И вот сижу: здесь – губернатор, тут – мэр. Депутаты, депутаты, депутаты... Все банкиры съехались...

Из-за кулис доносится голос Тети Кати: «С «Правекс-банком» вы найдете ту надежность, которую ищете. Ведь мы являемся частью «Интеза-Сан-Паоло» – одной из основных международных банковских групп. Подумаем о будущем вместе!»

ТАБАКИ (*крутит головой*). Что это?

БОГДАН. Уборщица наша. Тетя Катя.

ТАБАКИ. Надо же! И давно это она? Ну, да ладно. Пять вертолетов было. На парковку глянешь – «бэнтли», «бэнтли», «бэнтли», «порш», «бэнтли»... одна «мазератти» была така-а-ая... этого года. Чума! Икра – тазами. «Клико» – рекой. Группы на эстраде одна за другой самые-самые – «Стрелки», «Белки», «Подстилки», «Сливки», «Вафли»... Бабку эту из Италии привезли необъятную, которая пела хорошо когда-то...

БОГДАН. Монсерат Кабалье?

ТАБАКИ. Во-во. Голоса уже там никакого, еле ходит – под руки ведут, но круто! Потом пароходик прислали, тоже Аркадий Семеныч позаботился, – все уже пьянучие, по палубам скачут, песни орут. Дамы – первые наши леди, все в брильянтах с ног до головы, – юбки позадирали... Ох, веселуха

поперла! А над нами три вертолета, ну, кто-то из гостей, – вот так вот над нами (*показывает*) – жжух, жжух – и давай из окон петарды бросать. Ну, мальчишки, ну, вот, точно пацаны! Потом на острове в гостинице вип-класса продолжали. И вот это утром только вырвался.

КИРИЛЛ. Жуть какая.

ТАБАКИ. Эт точно. Но неудобно же так вот взять да и уйти. Все же заметят. Обидятся.

БОГДАН Просто Босх какой-то. (*Чихает*). «Сад сладострастия»... (*Опять чихает*).

ТАБАКИ (*похоже, он уязвлен такой аттестацией и первое время не находит подходящих слов, но вскоре берет себя в руки*). Что это ты расчихался? Смотри, а то ведь свиной грипп ходит. Раз-два – и нет человека.

БОГДАН. Да бросьте. Свиной грипп. Такая же разводка, как и все их прочие гнусные гешефты.

ТАБАКИ. То есть?..

БОГДАН. Нет, ну самой смешной у них, конечно, вышла «нетипичная пневмония». Какой-то мелкобюджетный проект. Как пришла – так и ушла. Решили, видать, не распыляться. Побаской о «птичьем гриппе» они еще как-то там пользуются.

ТАБАКИ (*насмешливо*). Так что, птичий грипп не существует?

БОГДАН. Глядишь, в каком-нибудь Таиланде заставят аборигенов всех кур перебить. Но потребление кур-то в Таи-

ланде от этого не прекращается. А если своих кур перебили, значит, какую курятину есть будут? Правильно, ту, которую их компрадорское правительство обяжут покупать.

ТАБАКИ. Ф-ф-ф-ф...

БОГДАН. Но, что «нетипичная пневмония», что «птичий грипп», в сопоставлении с таким широкомасштабным и крупнобюджетным проектом, как СПИД!

Голос Тети Кати из-за кулис: «Презерватив – твоя резиновая броня. Остановим СПИД, пока он не остановил нас».

ТАБАКИ. Так что, и СПИДа нет?!

БОГДАН. Да есть, конечно. И был всегда. Как синдром сниженного иммунитета. Который бывает и наследственным, и приобретенным. А расшатывать свою иммунную систему очень хорошо с помощью наркотиков. Помогают различные так называемые стимуляторы сексуальной и умственной деятельности, лекарства, ведь они практически все токсичны, всякая химия в продуктах, стрессы, электромагнитное излучение, грязный воздух, грязная вода. Наверное, и грязные намерения. Так что все мы живем в хронической интоксикации. Как же СПИДу не быть? Но не вызывается он вирусом. Его невозможно подцепить. Однако при желании можно нажать.

КИРИЛЛ. Ну, так поясни: люди-то умирают.

БОГДАН. Неужели?! Это новость? Только умирают-то не от некоего вируса- фантома, а от вполне конкретных бо-

лезней – пневмонии, туберкулеза, саркомы, менингита. Так что, то, чем охмуряют толпу – это, так сказать, лженаучный терроризм.

ТАБАКИ (*сардонически*). Да только почему-то никто об этом не догадывается.

БОГДАН. Почему же никто? Этьен де Харве – заслуженный профессор патологии из Канады догадывается. Антал Макк из Венгрии тоже в курсе. Элени Пападопулос из Австралии. Профессор Калифорнийского университета Питер Дузберг толстенный томище посвятил разоблачению этого бизнеса на смерти. Семьсот страниц! «Выдуманый вирус СПИДа». К этой работе предисловие написал Кари Муллинз – Штатовский биохимик, между прочим, Нобелевский лауреат. Доктор Джон Лорицен, тоже из Штатов, опубликовал... Вам о чем-нибудь говорят эти имена?

ТАБАКИ. Я доверяю другим источникам.

БОГДАН. Терапевту поликлиники тете Симе? Так они ж, врачи эти, полуграмотные. Они же информацию получают из тех же самых источников, что и все: СМИ, брошюры всякие. Никто ведь из них никаких исследований не проводит, большинство электронный микроскоп в глаза не видывали. Им пришлют пачку лакмусовых бумажек, велят – определяйте: покраснеет бумажка – есть СПИД, посинеет – нет СПИДа. А что они там определяют, разве им понять?! Но поддерживать они будут любую спущенную сверху программу, поскольку это единственный для них способ заработать на про-

житие. Правда? Не пойдут же они трудиться на бахчу?

ТАБАКИ (*начиная злиться*). Глупости все это. Все знают... как правильно.

БОГДАН. Да почему вы с таким презрением относитесь к людям? Отчего отказываете им в способности думать и понимать. Вовсе не всех их прельщает удел покорных бездумных добровольных рабов, то бишь быдла.

ТАБАКИ (*ценою видимых усилий берет себя в руки; принимается смеяться, возможно, несколько принужденно, но артистично*). Ладно, уж. Есть СПИД или нет его... Значит умные люди были, если смогли придумать, как целый мир обобрать. Молодцы!

БОГДАН (*Кириллу*), О! Пожалуйста!

ТАБАКИ (*на секунду задумывается*). Это ж какие деньги!

БОГДАН. Да-а! Только послушные америкосские налогоплательщики на сегодняшний день выложили за этот милый розыгрыш пятьдесят миллиардов баксов. О всяких там колониальных провинциях и говорить не приходится.

ТАБАКИ. Молодцы! Я же говорю, мо-лод-цы.

БОГДАН. И себя не обидели, и сколько рабочих мест создали, да? Один только Центр по профилактике и контролю заболеваний что ни год – два миллиарда получает. А на исследования, а на разработку всяких снадобий, на средства защиты, на погремушек-журналог, правительственные и неправительственные службы, учреждения, раз-

личные общества по борьбе, помощи и дружбе... Да это золотой водопад, который взрастил целую империю присосавшихся к нему паразитов! Конечно, молодцы. Умнейшие люди! Развесить бы их на столбах.

ТАБАКИ (*апеллируя к Кириллу*). Ну, вот! Вот разошелся-то. Да Бог с ними... Тут же совсем другое...

В одной руке Табаки внезапно, как у фокусника, появляется белый листок. Сопровождая свою речь жестами, он время от времени взмахивает руками, — и листок исчезает из одной руки и появляется в другой, точно это отрепетированный трюк иллюзиониста.

ТАБАКИ. Что нам до этого? У нас, в нашем театре, свои цели, свои праздники...

БОГДАН (*не слыша Табаки*). Восстанем против деспотии Всемирной Организации Здравоохранения!

ТАБАКИ. Да ты посмотри...

БОГДАН. Разоблачим глобальную аферу СПИДа!

ТАБАКИ. Вот тебе на...

БОГДАН. Долой лженаучный терроризм!

ТАБАКИ. Это невозможно! (*Бросается прочь*).

КИРИЛЛ (*вдогонку*). А что за листок у вас?..

ТАБАКИ. Нет-нет. Уже все... (*Скрывается в кулисах*).

КИРИЛЛ. Ты не перестарался?

БОГДАН (*делает несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться*). Да ведь, действительно, гадость какая! День-

ги, деньги, деньги... А какие душевные потрясения испытывают несчастные профаны, которые попадают в эти силки! Мучаются, руки на себя накладывают. Ведь, как его?.. Люк... Люк Монтанье говорил: «Психологические факторы являются чрезвычайно важными для поддержания иммунной системы». А тут все наоборот.

КИРИЛЛ. Слушай, а откуда ты все эти имена знаешь?

БОГДАН. От верблюда, понятно. Ладно, пойду-ка я в буфет. Бутерброд какой-нибудь заглочу. (*Шарит в карманах*). Странно, у меня ж мелочь была... А-а, я ж ее... (*Осматривает пол вокруг себя*). У тебя не будет...

КИРИЛЛ. Пошли, я тоже еще не завтракал.

БОГДАН. Нет, я верну. Мне за халтуру должны отдать.

КИРИЛЛ. Пошли, пошли.

Сцена некоторое время остается пуста. Тоскливо простонала кошка. Ей ответила другая. Впрочем, теперь властвующий здесь полумрак все увереннее насыщается разнообразными звуками: где-то хлопнула дверь, простучали шаги, еще одни...

Отдаленные голоса. На сцену выходит Валентина Букетова.

ВАЛЕНТИНА (*видит стул, невольно*). О! (*Проходит садится на него, достает из сумочки свернутые в трубочку листки с ролью, разворачивает, разглаживает, читает артистично вслух*). Мы веселые зверушки... (*Отрывает глаза от листка*). Боже мой! (*Читает далее*). Мы веселые зве-

рушки, гоп-ца-ца, гоп-ца-ца... (*Возводит глаза горе*). Мама дорогая: гоп-ца-ца, гоп-ца-ца!..

Из кулис появляется Кристина Дрыга. У нее в руках большой полиэтиленовый пакет с чем-то объемным и оранжевым, у бедра сумочка с ремешком через плечо.

КРИСТИНА. Опаньки! Вандефул! Так вот, с ранья, в театре укромного уголка не найти. Вахтер опять, наверное, за пивом побег и пропал навеки. Вандефул! Ключа от гри-мерки нет, – ходи ищи, где упасть.

ВАЛЕНТИНА. Кристиночка, это точно. Дисциплины в театре никакой.

КРИСТИНА (*ищет себе стул и находит его*). Уж как их Натан Фридманович ни долбасит, у них все равно никаких мозгов.

ВАЛЕНТИНА (*пытаясь читать*). Видит Бог.

КРИСТИНА. Их всех надо уволить. Всех. Немедленно. Окей?

ВАЛЕНТИНА. Окей, Кристиночка, окей.

КРИСТИНА. Вы подписали?

ВАЛЕНТИНА (*оторвавшись от чтения*). Подписала? А, мне тут у бутафорской Табаки какую-то бумажку под нос совал. Оно? Не люблю ничего подписывать. Я сказала, что тороплюсь. А что там такое?

КРИСТИНА (*со знанием дела*). Это, чтобы реформировать театр на европейский уровень.

ВАЛЕНТИНА (*недоумевая*). «Реформировать на европейский уровень»?.. Чудно. И что, все должны засвидетельствовать свое согласие?

КРИСТИНА. Ну, типа того.

ВАЛЕНТИНА (*вновь склоняется над своими листками*). Слава Богу, что ничего не подписала. Наверняка, какая-то гадость.

КРИСТИНА. Вау! Европейский уровень – гадость?! Круто!

ВАЛЕНТИНА (*не отрываясь от текста*). У Тебя, смотрю, туфельки новенькие.

КРИСТИНА (*устраивается на стуле в какой-то странной, должно быть неудобной, но очень живописной позе; достает из сумочки пластиковый несессер с косметикой*). И не только туфли. Сумочка вот. Реально – кожа игуанды!

ВАЛЕНТИНА. Может, игуаны?

КРИСТИНА. Нет, игуанды.

ВАЛЕНТИНА. Что ж, тоже хорошо. То есть, тебе очень повезло! Очень гламурненько. Прелесть.

КРИСТИНА. Я та-ак люблю гла-амур!

ВАЛЕНТИНА. Кто же не любит гламур! Это все он?..

КРИСТИНА (*жеманится*). Ху ис он?

ВАЛЕНТИНА. Ну... Натан Фридманович? Помнишь, ты же говорила...

КРИСТИНА. О-о, вандефул! Нет, конечно. Что такое Натан Фридманович? Это же так, витамины роста. Недавно я

познакомилась с натуральным олигархом.

ВАЛЕНТИНА (*читает*). Да ну!

Раздается грохот падающих предметов. Голос Кирилла: «Не театр, а просто... джунгли какие-то...» Невнятные ругательства, и в глубине сцены появляется сам Кирилл.

ВАЛЕНТИНА (*хихикнув*). Привет, Кирюша. Хорошо выглядишь.

КРИСТИНА (*не отстраняясь от зеркальца несессера, продолжая подкрашивать ресницы*). Хэллоу! (*Она начинает говорить громче, как-то странно артикулировать, выпячивая при этом губы и выкатывая глаза*). Ты же знаешь, я их никогда не ищу. Они сами лезут. Реально, лезут и лезут.

Кирилл осматривается и жестами просит Валентину Букетову подойти к нему. Кристина сидит на авансцене лицом в зал и потому не может наблюдать происходящее у нее за спиной.

КРИСТИНА. И вечно с этими своими подарками. Вау! И каждый думает, что, если он подарил туфли типа под змею... В смысле, из змеи. То можно прямо возле ресторана, в машине... Этот не такой. Этот совсем не такой! Очень уважает женщин. Всегда готов придти им на помощь. Не жмот. Чем торгует? Ты уже, наверное, врубилась. Окей. Нефтью. Ну, перепродает, понятно, как-то там.

Между тем у Кирилла с Валентиной за спиной у Кристины

завязывается оживленная беседа. Похоже, он что-то

предлагает Букетовой. Она смеется, отказывается, потом, вроде, увлекается рассказом Кирилла, смеется уже почти упоенно. В разговоре оба выразительно жестикулируют. Из спрятанного где-то динамика системы внутритеатрального оповещения раздается бесцветный гнусавый женский голос помощника режиссера:

«Всем доброе утро. Артисты, занятые в генеральной репетиции, в порядке очереди заходите в пошивочную для подгонки костюмов. Можете начинать подходить минут

через пять».

КРИСТИНА. Ух ты, шустрая какая! *(Продолжая раскрывать лицо).* А тут же у нас в городе было шикарное... слушай, шика-арное мегашоу – конкурс красоты «Мисс Пролетарского района». Просто вандефул! Вау, просто вау! Ну, Ты, конечно, знаешь. Все СМИ только об этом говорили. Там он меня и увидел. Да, я получила вице-мисс. И всем было понятно, что этой твари, Нинке, только потому и дали «Мисс Пролетарский район», потому что она за месяц до шоу залезла под народного избранника Запрудера. Да-да, главный архитектор по совместительству. Он же как раз сопродюсер этого супер-шоу. Вместе с Аркулисом.

Беседа Кирилла и Букетовой продолжается. К ним ненадолго присоединяется жующий что-то Богдан.

КРИСТИНА. Нет, ну, какая все-таки тварюга! Да? Ведь

уродина уродиной. Живот – фу! И харя такая... подлая. Ну, сиськи у нее типа больше... Так я уверена, что силиконовые! Ничего, время придет, – она свое получит. Окей. Так вот, иду я по подиуму в синем коктейльном платье, почти что от Живанши. Можно даже сказать, что от Живанши. Здесь стразы от Сваровски, тут такая фишка – так вот приспособлено... А он в первом ряду сидит и, когда я мимо него прохожу, вот так вот делает. (*Несколько раз цокает языком*). Ну, я все понимаю, и делаю ему вот так. (*Показывает, как*). Он тогда опять. (*Цокает языком*). Я тоже. Так вот и родилось это чувство. И теперь у меня на него очень серьезные планы. Планы очень серьезные!

Вдоль рампы перед Кристиной проходит Тетя Катя с ведром в одной руке, шваброй в другой. Она не обращает никакого внимания на окружающее, как-то сосредоточена

и говорит, видимо, сама с собой.

ТЕТЯ КАТЯ. Какие чудесные планы! Клуб. Танцпол. Романтическая встреча. И сколько женщин откажется от них из-за молочницы. Дискомфорт, запах, зуд. Решение простое – «Дифлюзол». «Дифлюзол избавляет от симптомов за двадцать четыре часа. Одна капсула в день. И жизнь идет по плану.

Кристина морщится и продолжает.

КРИСТИНА. Я собираюсь выйти за него замуж. Ты, ясное море, хочешь знать, как я это сделаю. Ну, придется, понят-

но, потратиться. Сначала я пойду в элит-клинику доктора Фильгенгауэра. Это дорого. Окей. Но стоит тебе где-то сказать, что ты ходишь к Фильгенгауэру, – и тебя реально начинают уважать. Там я сделаю лазерную эпиляцию зоны бикини и голени. Этот запатентованный метод полностью разрушает волосяные фолликулы. Навсегда! Революция в области эпилярных лазерных технологий. К тому же в этом месяце в клинике Фильгенгауэра семидесятипроцентная скидка. Потом я хочу сделать лифтинг лица и провести процедуру омоложения.

Тетя Катя возвращается тем же путем. На этот раз у нее в одной руке швабра, в другой большой прозрачный мешок с бумажным мусором, который она волочит за собой по полу.

ТЕТЯ КАТЯ (*говорит сама с собой*). Ты не хочешь смотреть в глаза своему возрасту. Ты можешь ощутить молодость и сияние своей кожи. Эксклюзивная косметика «Лавьер» с омолаживающим эффектом. «Лавьер» – уникальные технологии на основе натурального жемчуга. «Лавьер» – природный код жизни в твоих руках.

КРИСТИНА (*вослед Тете Кате*). Катерина Алексевна, вы с ума сошли?

Тетя Катя останавливается. Задумывается. Хочет что-то ответить Кристине. Обрывает эту попытку. Бормочет себе под нос.

ТЕТЯ КАТЯ (*невнятно, раздумчиво*). Я открыла для себя шампунь «Эльсэв – цвет и блеск». Шампунь «Эльсэв – цвет и блеск» от Лореаль неделя за неделей защищает цвет ваших волос. Лучший шампунь в мире. Ведь вы этого достойны! (*Вновь ненадолго погружается в раздумье. Уходит*).

КРИСТИНА. Да, вот кстати: это верно. «Эльсэв» – супер! Конечно, после лифтинга – сделать маску для волос по технологии «Эльсэв» и креативную стрижку в спа-салоне «Розариум»...

ВАЛЕНТИНА (*передразнивая*). В салоне «Террариум». *Беседа Валентины с Кириллом завершилась, и теперь Букетова занимает свое прежнее место на стуле. Кирилл уходит.*

КРИСТИНА (*сначала недоумевающе таращится на Валентину, потом принимается хохотать*). Как? Терра?.. Террариум? О-ля-ля! Вандефул. Террариум! Надо запомнить. Но ты, наверное, меня невнимательно слушала...

ВАЛЕНТИНА (*берясь за текст роли*). Да очень мне нужно слушать этот твой бред. Какая-то тошнотная белиберда. Просто помойка мысли!

Кристина цепенеет от неспособности хоть как-то объяснить себе происходящее.

Слышится голос из динамика: «Артистка Кристина Дрыга, зайдите в пошивочную с костюмом».

ВАЛЕНТИНА (*не отрываясь от роли*). Это тебя.

КРИСТИНА (*медленно выходя из столбняка*). Ва-анде-

фул... Как это помойка?.. Ты же всегда говорила, что салоны и косметические клиники —это светили... святые... святылища для женщины. Говорила: гламур – честь и совесть нашей эпохи...

ВАЛЕНТИНА. О-ох... А что тебе еще можно сказать? Иди уже костюм примерять.

КРИСТИНА (*осененная разгадкой*). Ха! Ты мне завидуешь.

ВАЛЕНТИНА. Ну, понятное дело.

Слышны завывания кошек.

КРИСТИНА. Завидуешь! Завидуешь, что я получила «вице-мисс». Да!

ВАЛЕНТИНА. Кто ж не позавидует тому, как вы ходите по подиумам и трясете своей красотой перед теми, кто одалживает деньги под проценты. Да и прочими захребетниками, которые пришли в эту мясную лавку выбрать окорок послаще. Вот тебе и: шик – блеск – красота, тра-та-та, тра-та-та.

КРИСТИНА (*в смятении*). Ха-ха! (*Выбрасывает главный козырь*). Красота спасет мир!

ВАЛЕНТИНА. Угу. Ты хоть знаешь, кто это сказал и по поводу чего?

КРИСТИНА. Ха-ха-ха! Представь себе, нам говорили. Это был Чехов.

ВАЛЕНТИНА. Да, тут лифтинг не спасет... Когда Федор Михалыч вкладывал, так сказать, в уста князя Льва Николаевича эти слова, может, он имел в виду все-таки что-то дру-

гое? Вряд ли он предполагал, что мир способна спасти твоя задница шириной в девяносто сантиметров.

КРИСТИНА. Да?!

ВАЛЕНТИНА. Да.

КРИСТИНА. Ха-ха-ха.

ВАЛЕНТИНА. А такой цитате того же автора тебя не обучали? «Я вовсе не хочу прельстить тебя какою-нибудь буржуазною добродетелью взамен твоих идеалов, не твержу тебе, что „счастье лучше богатства“; напротив, богатство выше всякого счастья, и одна уж способность к нему составляет счастье». Нет?

КРИСТИНА. Нет.

ВАЛЕНТИНА. Ну, конечно: «потому, что жить с идеями скучно, а без идей всегда весело». Кристинка, послушай, ты же понимаешь, что все эти конкурсы красоты, шампуни, эпиляции и авто-кабриолеты – все это приманки, наживки, ну, как ты говоришь, заманухи, для тех силков, для тех ловушек, которые хозяева нынешнего режима расставляют для рабов. Не понимаешь? Ну, все равно... рано или поздно поймешь. Так чем гоняться за этими беглыми огоньками, может, лучше...

Появляется Богдан.

БОГДАН. Вот ты ж зачем-то в театр пришла. Наверное же, что-то такое искала – прекрасное, доброе, вечное. Если бы не искала, так выбрала бы местечко подходнее...

ВАЛЕНТИНА (*Богдану*). Хорошо выглядишь.

КРИСТИНА. Здесь типа девушки разговаривают! Ты пролетаешь, как фанера над Парижем!

БОГДАН. У-у-у! (*Убегает, изображая полет птицы, или, может быть, фанерного самолета*).

ВАЛЕНТИНА. В самом деле, разве не хотела бы ты работать в настоящем театре? Ну, хотя бы сыграть в настоящем спектакле? Чтобы хоть на миг ощутить, что ты что-то можешь, чего-то стоишь и существуешь в этом мире для чего-то нужного, важного...

КРИСТИНА. Хотела бы.

ВАЛЕНТИНА (*обрадовавшись*). Вот видишь! Кирилл затевает такое дело! Такое!

КРИСТИНА. Вы меня очень обидели, Валентина Михайловна. Вы сказали, что я проститутка.

ВАЛЕНТИНА. Ну, что ты! Я ничего такого не говорила.

КРИСТИНА. Может, так и не сказали. Но вы это имели в виду.

Стоны кошек.

ВАЛЕНТИНА. Ничего подобного, Кристиночка.

КРИСТИНА. Окей. Так я вам скажу, что о вашем аппетите всем очень хорошо известно. У всего города уже типа перепробовали. Все говорят, что у вас бешенство. Сами вы проститутка.

ВАЛЕНТИНА (*невольно оглядываясь, нет ли где случайных слушателей*). Ну, уж... Я, может быть, женщина развратная. Но никогда секс в качестве источника доходов

не использовала.

Раздраженный голос из динамика: «Кристина Дрыга, вас ждут в пошивочной с костюмом. Вы тормозите процесс. Артистка Дрыга, явитесь в пошивочный цех немедленно!»

Кристина достает из пакета огромный просторный оранжевый комбинезон – костюм лисы и принимается нервно натягивать его поверх одежды.

КРИСТИНА. И, представьте себе, олигарх имеется. И все у нас на мази. Все супер! И можете сколько угодно называть меня проституткой... И сухой можете называть, но я буду иметь капиталы в офшорах, океанскую яхту цвета индиго, дом в Лондоне...

ВАЛЕНТИНА. И дачу с огородом в Ницце.

КРИСТИНА. Очень в кассу – и дачу в Ницце, окей. И каждый день свежие орхидеи в будуаре...

ВАЛЕНТИНА. Ну, что ж, от души желаю, чтобы твои орхидеи не закончились, как это зачастую случается, в одном из борделей на Аллен Стрит в Эст Сайде.

КРИСТИНА. А вы... А вы, Валентина Михайловна... Вы... старая! Да, вы старая! Вот так.

Удерживая под мышкой голову лисицы, накинув на плечо ремешок сумочки, покачивая оранжевым мохнатым хвостом, Кристина покидает сцену походкой манекеницы. От волнения один из каблучков у нее то и знай норовит подвернуться, но подбородок вскинут

высоко. На выходе Кристину встречают Клювгант и Табаки, которые, несомненно, стали свидетелями пары последних реплик.

КЛЮВГАНТ. И что ты тут чешешься? У тебя что, отит? Или отосклероз?! Уже таки все динамики полопались. Быстро костюм подшивать! Красавица районная...

Пискнув что-то извинительное, Кристина, как-то сжавшись, проскальзывает мимо директора театра. Валентина тоже поднимается со стула, складывает листки с текстом роли в сумочку, намереваясь уйти.

КЛЮВГАНТ (*подходя к Валентине, одышливо*). Здравствуйте.

ВАЛЕНТИНА. Здравствуйте, Натан Фридманович. (*Хочет идти*).

КЛЮВГАНТ. Что?

ВАЛЕНТИНА. Что «что»? Все хорошо.

КЛЮВГАНТ. Что Эст Сайд?

ВАЛЕНТИНА. Ничего. Должно быть, наслаждается демократией. (*Вглядывается в его лицо*). Что-то вы неважно выглядите. Как ваше здоровье?

КЛЮВГАНТ. Лучше, чем у всех.

ВАЛЕНТИНА. Ух-ты! (*Уходит*).

КЛЮВГАНТ. Что это они тут об Эст Сайте говорили?

ТАБАКИ. Точно, говорили.

КЛЮВГАНТ. По-моему, как-то неодобрительно таки говорили?

ТАБАКИ. Очень точно подмечено: неодобрительно. Что-то личико у вас сегодня особенно желтенькое.

КЛЮВГАНТ. Что?

ТАБАКИ. Я говорю, очень точно подмечено: вот именно, как бы неодобрительно, недоброжелательно.

КЛЮВГАНТ. Не нравится мне, когда вот это начинают нехорошо говорить... не то, чтоб о США, а вообще о руководящих принципах.

ТАБАКИ. Сто процентов!

КЛЮВГАНТ. Кто сейчас объединяет передовую, наиболее так сознательную часть нашего народа и всех цивилизованных народов мира?

ТАБАКИ. Ну дык!

КЛЮВГАНТ. Вот и, будь добр, нигилизм свой засунь себе в одно место. А то сегодня они миротворческую демократическую миссию НАТО будут критиковать, завтра усомнятся в том, что американцы так были на Луне, а там, глядишь, и в театре бардак начнется.

ТАБАКИ. Не приведи Бог, Натан Фридманович!

КЛЮВГАНТ. Что, подписала она?

ТАБАКИ. Которая?

КЛЮВГАНТ. Обе.

ТАБАКИ. Не успел еще. Виноват. Ну, Кристинка-то, понятно, подпишет.

КЛЮВГАНТ. А эта?

ТАБАКИ. Подпишет, подпишет. Куда денется?

КЛЮВГАНТ. Оно, конечно, можно было бы и без того. Но, если будет единое искреннее желание коллектива, – тогда так легче.

ТАБАКИ. Однозначно.

КЛЮВГАНТ. Так ты пойдёшь давай... Что народ там... Какие настроения и все такое.

ТАБАКИ. Да ужас!

КЛЮВГАНТ. Да?

ТАБАКИ. Сегодня с утра пораньше, вон, Богдан Нетудыхатка даже СПИД отрицал. Да, так вот и говорит: это все проклятые ростовщики и их прихлебатели придумали, чтобы из людей деньги качать.

КЛЮВГАНТ. Что, так и говорил: ростовщики, прихлебатели?

ТАБАКИ. Да вот матерью клянусь... Нет, мать уже пятнадцать лет, как на кладбище. Детьми клянусь!

КЛЮВГАНТ. Да, это две большие разницы – поклясться мертвой мамой или живыми детьми. Однако очень нехорошо, что такие вольности народ позволяет себе в мыслях... Ладно бы в мыслях, а то...

ТАБАКИ. ...в высказываниях!

КЛЮВГАНТ. Нехорошо.

Из кармана его брюк раздаётся гимн страны.

КЛЮВГАНТ *(с поспешностью достав мобильный телефон)*. Добренького вам дня, Аркадий Семенович. *(Странным образом Кловгант в голосе и повадках вмиг становится*

ся похож на Табаки). Мое – прекрасно. Ваше здоровьечко, я уверен, таки не хуже. А как ваш псориазик? Мой – превосходно! Да, для вас, Аркадий Семенович, все, что угодно. Что? Еще один бутик нижнего белья? Теперь в нашем театре? Конечно, сделаем. Арендочка. Что вы! Это будет вам стоить символической суммы. Местечко найдем. А вот у нас бутафорская как раз для этого есть. Мы все оттуда вынесем, площадь освободим, двери замуруем, а снаружи, с улицы новые прорубим. Вот и чудно будет. Что вы говорите! Не за что. Но вы, Аркадий Семенович, помните, мы говорили... Да! Вы уж постарайтесь... да, чтобы депутаты приняли таки правильное решение. Да. И вам! А вам еще в сто раз больше! И... Да! И чтобы, как говорят, все у нас было, и нам ничего за это не было. Огромное вам спасибо за звоночек. (*Нажимает кнопку отбоя и вновь становится самим собой*). Ты посмотри... Вот уж аппетит! Просто булимия!

ТАБАКИ. Ничего. Бог поможет.

КЛЮВГАНТ. Если бы Бог жил на земле, люди повыбивали бы ему все окна. (*Идет, но вдруг останавливается*). А что же с этими делать... (*его лицо перекашивает, как от съеденного лимона*) с артистами? Может, им водки дать?

ТАБАКИ. Шикарно. Умнейшая мысль.

КЛЮВГАНТ. Да?

Уходит. За ним увязывается Табаки.

Сцена вновь остается пуста.

Голос из динамика: «Артист Шайхельисламов, зайдите в

пошивочную. Джалиль Шайхелисламов, зайдите в пошивочную».

Появляются монтировщики, которые принимаются возиться с задниками. С разных сторон слышится обыденная профессиональная переключка различных работников сцены.

Необходимый задник монтировщики выбирают не с первого раза. Наконец находят, начинают опускать, но их окликают кто-то, и те покидают сцену, оставив задник опущенным на две трети. На нем грубо и ярко написан некий «мультипликационный» ландшафт.

Стремительно выходят на сцену Валентина Букетова, Кирилл и Богдан Нетудыхатка. Они заметно возбужде-

ны

остротой захватившего их разговора. Букетова наряжена в розовое атласное платьице шестилетней девочки, в руках держит такую же блестящую розовую голову свиньи.

Богдан в коротких штанишках на широких бретелях, на ногах белые гольфы, тапочки с пушистыми помпонами. На голове его колышутся укрепленные на обруче длинные тряпичные уши, – возможно, это костюм зайца. Или ослика?..

ВАЛЕНТИНА. Вот именно! Я и говорю, давайте поставим такую пьесу, чтобы весь город сбежался, чтобы полюбовался и на своих вождей, и на самих себя – бессловесных рабов,

и вообще...

БОГДАН. Да! А то ведь наши театральные поделки так же походят на искусство, как свинья на коня.

ВАЛЕНТИНА. Попрошу без намеков на личности.

Все смеются.

ВАЛЕНТИНА. Действительно, ладно еще эти детские спектакли, рассчитанные разве на детей, страдающих слабоумием; так и всё ж остальное на уровне – любовник в шкафу, теще подмешали слабительного, тортом в морду... Давай, Кирюша, на тебя вся надежда.

Слышится раздраженное кошачье мяуканье.

КИРИЛЛ. Да что это у вас всё кошки мяучат?! Зачем вы их развели в таком количестве? Мыши одолевают?

БОГДАН. Так это же Клювгант.

ВАЛЕНТИНА, У нас...

БОГДАН. ...завтра...

ВАЛЕНТИНА. ...открывается выставка кошек.

КИРИЛЛ (*ошалело*). Вы-став-ка ко-шек?! В театре? А как это?..

БОГДАН. А так это. Два месяца назад была выставка экзотических гадов – жабы, саламандры, гадюки там всякие. А через месяц...

ВАЛЕНТИНА. ...собачья выставка намечается.

КИРИЛЛ. Ни черта себе!

БОГДАН. Так, а что тебя удивляет? В столярном цехе нашего театра уже несколько лет делают, так сказать, итальян-

скую мебель. И двери еще какие-то. В пошивочном...

ВАЛЕНТИНА. ...тренировочные костюмы «Адидас» строчат.

БОГДАН. Клювгант уверяет, что таким макаром он укрепляет материальное положение театра. Понятно, что на самом деле он укрепляет свое материальное положение. Ну, и Табаки, надо думать, какая-то там косточка перепадает с барского стола. Что ты так смотришь? Автостоянка под театром – тоже Клювганта.

ВАЛЕНТИНА. Летнее кафе «Мельпомена».

БОГДАН. В нашем театре и салон проката свадебного платья есть. «Бавкида».

ВАЛЕНТИНА. И похоронное бюро «Харон».

КИРИЛЛ. Ты посмотри, как это вашего Натана Фридмановича на греческую мифологию разбирает!

БОГДАН. Я уж не говорю о том, что два-три раза в неделю мы отдаем зал под всякие там сектантские шабаши, встречи с людьми, лично познакомившимися со снежным человеком, лекции – вроде «Как вдвое увеличить свой бюст». Мы даже наши спектакли иногда отменяем.

КИРИЛЛ. Как-то... и не смешно.

ВАЛЕНТИНА. Вот то-то же. (*Богдану*). Да сними ты эти уши! Они постоянно колышутся и... и-и... ужасно раздражают.

БОГДАН. А куда я их дену? Я сам чувствую, что они постоянно шевелятся... А куда я их положу? Потеряю, – по-

том еще Ключгонт цену всего костюма вломит. Ладно, я уже к ним привык.

Как всегда внезапно возникает Табаки. То в одной его руке, то в другой время от времени появляется белый листок.

ТАБАКИ (*очень весело*). А ну-ка, господа артисты, кто хочет острограмиться?

БОГДАН (*очень заинтересованно*). Ого! Неплохо. А что за повод?

ТАБАКИ. А у меня... племянница... Родила. Приглашаю разделить, так сказать, счастье. Всех прошу в мою гримерку.

КИРИЛЛ. У вас просто праздник за праздником!

ТАБАКИ. Да, иногда тяжело приходится.

БОГДАН (*оживленно*). Так идемте, поздравим... (*Замечает неодобрение на лицах своих приятелей и осекается*). По стопарику-то не повредит...

ВАЛЕНТИНА (*просто*). Это вы с Натаном Фридмановичем хотите подпоить нас что ли перед принятием некоего ответственного решения? Это как-то связано с подписанием той бумажки?

ТАБАКИ (*быстро*). Да нет! Да Боже упаси! Да при чем одно к другому?! Племянница. Да как хотите. Да не хотите – не надо. Мое дело предложить. (*Ловко прячет листок в рукав*).

БОГДАН (*Валентине и Кириллу с тоской*). Может, все-таки... Нет?.. Значит, – нет. Я и сам не очень-то... с утра...

(Гордо Табаки). Мы не будем пить вашу водку. *(Сломавшись).* А какая у вас?

ТАБАКИ. Не «Абсолют», но...

Голос Тети Кати доносится откуда-то издалека... сверху,
из-под колосников, точно с неба: «Сегодня и завтра водка «Немиров» устанавливает новые стандарты, которым следуют остальные. Встречайте – новый «Немиров» — новое лицо мировой водки. Единственный телевизор с технологией Эм-Би-лайт, который выводит изображение

за рамки обычного – это «Филипс», безусловно!»

Тетя Катя замолкает, и все возвращают задранные головы в обычное положение.

ТАБАКИ. ...но водочка очень хорошая.

ВАЛЕНТИНА *(переглянувшись с Кириллом).* Нет, ну, какие они забавные в своем самомнении, самолюбовании! Какими умными, хитроумными они себя видят. Ведь это другие, глупые, для достижения своих целей пользуются убеждением, обаянием, знанием, наконец – тренированной физической силой. А тут – подпоил, наврал – и дело в шляпе. *(Табаки).* Да?

ТАБАКИ. В каком смысле?

ВАЛЕНТИНА. А что только водка? Почему героин не предлагается? Героин-то вернее.

ТАБАКИ. Не понимаю о чем вы. Героин у нас запрещен.

Правительства всех цивилизованных стран борются с наркоманией.

КИРИЛЛ. Да-а?!

ВАЛЕНТИНА. Обхохочешься!

БОГДАН. Да если бы они боролись, то за пару недель, надо думать, все бы и побороли. Впрочем, есть же страны, где действительно борются с этим делом. Так там и наркоманов практически нет. Иран, например. За тридцать граммов героина – смертная казнь. Оттого-то процент наркоманов там близок к статистической погрешности.

ВАЛЕНТИНА. Да только при режиме торговцев, ростовщиков никто не поднимет нож на эту священную корову, доящуюся золотом, на этот, прошу прощения, волшебный кладезь, эту сокровищницу. Знаете, что им приносит рынок алкоголя? В мировом масштабе.

ТАБАКИ. Вы же нас еще не просветили.

ВАЛЕНТИНА. Так просвещу. (*Лекторски*). Двести пятьдесят миллиардов североамериканских зеленых. А рынок оборота наркоты – вдвое больше, до пятисот миллиардов.

Ловко, как фокусник, Табаки извлекает из рукава листок для подписей, вертит его, находит на нем место и бросается стремительно писать.

ВАЛЕНТИНА. Задача простая: какая торговка откажется от такого прибýtка? Еще Мардохей Маркс, которого у нас называют Карлом, писывал, мол, нет такого преступления на которое не пошла бы торговка, рассчитывая на трехсот-

процентную прибыль. А уж ему ли, сыну адвоката, было это не знать!

ТАБАКИ. А при чем тут адвокат?

ВАЛЕНТИНА (*вновь в роли школьной учительницы*).

Оноре де Бальзак так классифицировал общество торговков. Наибольшей нравственностью в этом мире обладает проститутка.

Табаки записывает.

ВАЛЕНТИНА. Она, беря деньги, хоть сколько-то душевно страдает. Ниже ее бизЪнЕсЪмен со своим вечным надувательством. А уж по самому дну ползают адвокаты. Но это... мнение Бальзака.

ТАБАКИ. Какая прелесть: вы все именами, именами сыплете, цитатами.

ВАЛЕНТИНА. Ой, простите! Я иногда книжки почитываю. А вы все только на дачах городских чиновников бластные припевки под гитару мурлычете, пока хозяева в боулинг играют?

ТАБАКИ. Что это значит?!

ВАЛЕНТИНА. Боулинг? Это, скорее, вы нам можете рассказать, что оно такое. Так что, не одолжите даму героином?

ТАБАКИ. Я же сказал, у нас с наркоманией борются.

КИРИЛЛ. Может, конечно, какой-нибудь рядовой милицейский и борется. Ему спустили приказ, – он борется. Очень даже честно борется. А в это самое время некий Ротшильд... Или кто там из них? Разнообразные Рокфеллеры,

Асторы, Варбург. . . Укрепляют героиновые пути.

Табаки записывает.

КИРИЛЛ. Да вот же: силами продажных наемных девок мужского пола в военной форме захватили Афганистан; якобы для того, чтобы полумифического Усаму бен Ладена ловить. Ловили или нет, но объем производства наркотиков в этой стране увеличили в несколько раз.

ВАЛЕНТИНА. Ой, но такие милые! По телящику все показывают, как они там с местными крестьянами воюют, посадившими грядку мака. Так вот и топчут все, топчут! Но из Афгана давно уже не сырец идет, а чистый героин.

Табаки записывает.

ВАЛЕНТИНА. А его-то, да еще в таких объемах, на коленке в сакле не сделаешь. Нужны высокотехнологичные лаборатории, реактивы в огромных цистернах, химические заводы. . . Колоссальное производство! Несчастные афганские пастухи и декхане для этого ни средств не имеют, ни образования, ни транспортной системы, ни. . . простите за выражение, ни хрена.

КИРИЛЛ. Эт, точно. Ну, кто поверит, что оккупированное государство может в одночасье настроить такое количество сложных химических заводов без участия самих оккупантов?!

Табаки смотрит на говорящих с выражением на лице едва ли не ужаса.

БОГДАН. Но самое забавное, что тот, кто всю эту бодягу

разводит, он же и организует всякие гуманитарные организации по борьбе с наркотиками. Во мерзота!

Табаки записывает.

БОГДАН. Вероятно, это тоже проявление бо-ольшого ума. Догадаться, устанавливая опорные точки в регионе, засыпать героином все подступы к источнику энергетических ресурсов! Умнейшие люди! Нет, ну внешне они очень похожи на людей: руки, ноги, голова...

ТАБАКИ (*стараясь казаться игривым*). Вы уж такое развели! Скажете скоро, что я агент Ротшильдов.

ВАЛЕНТИНА. Что вы! Нет-нет. Ни за что. Ротшильды вас под свой стол не пустят. А вот местные кровососы, что-нибудь да и бросят со стола.

ТАБАКИ. Вы хотите меня оскорбить.

ВАЛЕНТИНА. Боже упаси! Я из зависти.

Пауза.

Голос помощника режиссера из динамика: «Артист Каратыгин, ваш костюм готов. Андрей Васильевич, вас ждут в пошивочной для примерки».

Табаки не уходит.

ВАЛЕНТИНА. Мы водку не будем. (*Смотрит на Богдана*).

БОГДАН. Нет, мы не будем.

КИРИЛЛ. Но мы от всей души поздравляем вашу племянницу.

ТАБАКИ. Валентина...

ВАЛЕНТИНА. Алло?

ТАБАКИ. Почему вы меня не любите?

ВАЛЕНТИНА. Да бросьте.

ТАБАКИ. Всех любите, а меня не любите.

ВАЛЕНТИНА. Вот вы актер, вроде как премьером считаетесь в нашем театре. А играете сегодня, как случайный артист. Какую-то внучатую племянницу еще выдумали... Ну что это такое?

ТАБАКИ. Да я просто... угостить хотел. Да как хотите... *(Он не может выбрать наиболее выгодную линию поведения и оттого тянет время. Как вдруг впадает в некую приятельскую доверительность)*. Слушайте, ребята, а у вас что, заговор?

БОГДАН, КИРИЛЛ

ВАЛЕНТИНА *(вместе)*. Заговор?

ВАЛЕНТИНА. У нас заговор? Может, это у вас заговор?

ТАБАКИ *(смеется почти так, как это делают в спектаклях оперные артисты)*. Да это я так. Да пошутил, пошутил. А что там, Белла Наумовна командировочные еще не выдает? Хотел зайти, – дверь, вроде, закрыта. Никто сейчас в бухгалтерии не был? Пойду еще раз гляну.

Голоса кошек.

ВАЛЕНТИНА. О! Не забудьте своих кошек покормить. А то Гринпис обвинит вас в жестоком обращении с животными.

ТАБАКИ *(на ходу)*. Да че это они мои?

ВАЛЕНТИНА. Да уж и не наши.

ТАБАКИ (*останавливается*). Вы раньше со мной так не разговаривали.

ВАЛЕНТИНА. Была когда-то и бабка девкой.

ТАБАКИ. И вообще не разговаривали.

ВАЛЕНТИНА. Да? Ну, это было очень давно.

Табаки уходит.

КИРИЛЛ. Так признавайтесь, что бы вы хотели играть?

БОГДАН. Что угодно. Только не...

Из кулис выбегают шагом галопа Джалиль

Шайхельисламов. На нем также увеличенный костюм для детсадовского утренника – это костюм гусенка.

ДЖАЛИЛЬ (*пританцовывая*). Мы веселые зверушки,

Гоп-ца-ца, гоп-ца-ца...

БОГДАН. Только не вот это вот.

КИРИЛЛ (*всем троим*). Ну, говорите. Джалиль, твое какое мнение? Кальдерон? Аристофан? Пиранделло? Или давайте напишем пьесу сами. Но главное – зачем? Для чего? Для кого? Что вы хотите сказать тем, кто придет в этот зал?

ДЖАЛИЛЬ. Как что? Я бы хотел им сказать: «Если ваши отцы, сыновья, братья, супруги, ваши семьи, накопленное имущество, торговля, застоя которой вы опасаетесь, и жилища, которым вы радуетесь, если все это милее вам, чем Аллах, Его Посланник и борьба за Его дело, то ждите же, пока не исполнится воля Аллаха».

БОГДАН. Что сказать?.. Так вот сразу...

ВАЛЕНТИНА (*выходит к самой рампе*). Я хотела бы им сказать... Вот, допустим, в этом зале люди, да? Вот там люди, и там. Не важно, много ли их или всего-то несколько. Допустим, это не пустой черный зал, а... там вот я вижу очень похожую на меня женщину. А здесь – мужчина. Виски (*присматривается*), кажется, уже седые. Но очень сексуальный. И глаза такие – ух! А вон девчонка. Красавица. Дурочка еще, наверное. Но ведь она пришла сюда, а не в ночной притон, которых вон по проспекту черт на печку не вскинет. И я хочу спросить этого мужчину: вы кто, юрист? А, врач! Хирург? О-о! Гуманная профессия. Но почему же, когда к вам поступает больной, вы спрашиваетесь о толщине его кошелька? Вы требуете банковский чек, чтобы решить, оперировать его или нет, а если все-таки оперировать, то с прилежанием на такую или другую сумму? А вот вы, девушка... Только в юности волосы могут быть такими густыми и блестящими! Молодой человек делает вам предложение. Он влюблен, я уверяю, он по уши влюблен в вас. Он вам нравится? Ну, еще бы! Атлет! И умница. Бывает же такое сочетание! Красавец. Так смотрите на него, ешьте глазами, почему же вы хотите взглянуть на справку из банка, выявляющую его материальное положение? А вы, милая дама... Действительно, даже смешно, как вы похожи на меня! К вам приходит подруга... Рассказать один занятный секрет! Нет? Просто поболтать. Нет? Ах, ее обморочили в банке процентщики. И муж попал в больницу? И кредиторы грозятся вышвыр-

нуть ее из невыплаченного дома на улицу? Но... вы не можете ей ничем помочь... Конечно, у вас своя семья, свои дети... Двое? Которых нужно кормить, учить, одевать... Конечно, конечно... Нет-нет, вы ей ничем не обязаны. Но до чего же мы так дойдем?

БОГДАН (*тоже подходит к рампе*). У меня была жена. Анжелка. Здесь, в театре, все ее помнят. Нормальная такая тетка, вроде, была. Сначала. А потом она стала все покупать. Она покупала и покупала. И на это не могло хватить никаких денег. Она требовала, чтобы я искал способы заработать еще и еще, чтобы еще и еще покупать, покупать, покупать... Я превратился в какого-то робота по добыванию денег, а она... тоже, наверное, в робота, робота по превращению моих бесконечных усилий во всякую вещественную дрянь. Как ни мучителен был этот затяжной кошмар, он, конечно, должен был закончиться. И бешенство желания унесло ее куда-то в Испанию, то ли в Турцию, и, говорят, привело ее к довольно печальному итогу. И, казалось бы, туда ей и дорога... А мне все жаль ее. Так жаль, что ее маленькую женскую головку забили всякой дрянью, ее природную женскую страсть преобразовали в бесплодное стремление бесконечного приобретательства. Она была похожа на животное, приготовляемое к закланию, которому оставлено только – есть, спать и по возможности ни о чем не думать, чтобы легче перенести забой.

ДЖАЛИЛЬ. Аллах сказал: «Несомненно, Мы даровали почет сынам Адама и по Нашей воле они передвигались

по земле и морю, Мы наделили их благами и дали им явное превосходство над другими тварями».

Вопль кошки, поддержанный хором ее сородичей.

БОГДАН. Вот чертовы твари!

Выходит Ключгант в сопровождении Дизайнера и Табаки. У Дизайнера в руках блокнот и ручка.

КЛЮВГАНТ. Что вы все тут собрались?

БОГДАН. А где нам собираться? Гримерки закрыты.

ВАЛЕНТИНА. Репетиционная отдана под кабинет тайского массажа.

КЛЮВГАНТ. Так, пойдите куда-нибудь. Мне нужно обговорить с человеком важные вопросы.

ВСЕ. Куда?!

КЛЮВГАНТ. Ну, мало ли... Пойдите в буфет, Если еще открыт. На улицу, – погода таки шикарная. Можете даже костюмы не снимать, – нашему театру будет дополнительная реклама.

ВАЛЕНТИНА. Ну, знаете, Натан Фридманович...

Артисты бредут к выходу.

КЛЮВГАНТ (*Табаки*). И вы идите. Идите. Посмотрите там... чтобы все было хорошо.

Наконец Ключгант остается на сцене вдвоем с Дизайнером.

ДИЗАЙНЕР (*уверенным, приподнятым тоном, оглядывая, ощупывая, и даже обнюхивая все вокруг*). Ну, что я вам должен сказать... Оформление формирует концептуальный

стиль... Какой у вас интересный цвет лица! Или это театральное освещение?

КЛЮВГАНТ. Освещение.

ДИЗАЙНЕР *(как бы невзначай отступая от Клювганта на пару шагов)*. Именно оформлением формируется концептуальный стиль: стены, потолок, мебель. И в этом случае наиглавнейшим становится материал, из которого все изготавливается. Вам сразу следует определиться, каков будет класс вашего заведения. Кого вы хотите видеть в этом зале, в изобилии всякую нищую шваль – медсестер, пожарников, учителей, всяких там военных инженеров и мелких торговцев? Вы понимаете. Или вы все-таки рассчитываете, что к вам станет приходить ограниченный круг уважаемых серьезных людей – банкиры, юристы при солидных должностях, транзитеры углеводородов, криминальные авторитеты, народные, так сказать, избранники? Вы понимаете. Ес?

КЛЮВГАНТ. Как говорит пословица: лучше мало хорошего, чем много плохого.

ДИЗАЙНЕР. У вас отличное чувство юмора! Ну, вот. Значит, вам нужно статусное, престижное заведение. А статусное заведение невозможно без статусной обстановки, согласитесь. Ну, не посадите же вы Эльвиру Борисовну (вы понимаете, о ком я говорю) на пластиковый стул. Ес?

КЛЮВГАНТ *(серьезно и даже с тревогой)*. Да пластиковый-то ее может и не удержать. У нее немного того... элфантиаз, знаете.

ДИЗАЙНЕР. Вот видите. Пластиковая мебель из каталогов – это для бедняцких заведений общественного питания. Вам нужно совсем другое. И я знаю что! Классика! Всюду натуральное дерево.

Клювгант достаёт калькулятор и принимается что-то подсчитывать.

ДИЗАЙНЕР. Орех. Нет, палисандр! Это же будет не какая-нибудь забегаловка. Натуральное дерево отлично подчеркивает элитный уровень заведения. Вы понимаете. Ес?

КЛЮВГАНТ. М-м...

ДИЗАЙНЕР. Мебель из натурального дерева просто незаменима, например, в национальных проектах. Быть может, вы планируете все оформить в японском вкусе? Ес?

КЛЮВГАНТ. Не думаю.

ДИЗАЙНЕР. Натуральные материалы, как визуально, так и энергетически создают необыкновенно здоровую атмосферу. Поэтому их очень рекомендуют для таких модных заведений, где гостей угощают исключительно так называемыми биопродуктами. Вы приверженец вегетарианства? Ес?

КЛЮВГАНТ. Хм... Чтоб да, так нет.

ДИЗАЙНЕР (*присматривается к Клювганту*). Ах, если уж вы сторонник хай-тека, то, безусловно, можно найти и дорогие пластики. Вы понимаете. Любых цветов. Под серебро. Нет? С золотым напылением? Легкие сплавы. Композитные материалы. Я угадал? Ес?

КЛЮВГАНТ. Не совсем.

ДИЗАЙНЕР. Вот, если лично мое мнение, лично я посоветовал бы вам все забаббахать в этностиле. Всюду бамбук, ротанг, мешковина. Изумительная плетеная мебель, инкрустированная золотом и полудрагоценными камнями. Эдакая хижина полинезийского крестьянина. Ес?

КЛЮВГАНТ (*испуганно*). Да зачем же уж хижина?!

ДИЗАЙНЕР. Тогда остается самый популярный сегодня стиль – фьюжн!

КЛЮВГАНТ. А что это такое?

ДИЗАЙНЕР. А это все вместе. И дерево, и пластик, и бархатные занавески, и никелированные трубы. Фьюжн – это креативное совмещение несовместимого!

КЛЮВГАНТ. О! Это таки лучше. Это, допустим, шили бархатную занавеску, бархата не хватило, и дотачали ситчиком?

ДИЗАЙНЕР (*с грустью*). Ну... вроде этого.

КЛЮВГАНТ. Так это прелесть! Тут есть таки место для маневра.

ДИЗАЙНЕР. Знаете, это правильный выбор. Я с самого начала знал, что вы остановитесь на таком варианте. Ну, что... вот этот страшный, такой мрачный сейчас потолок мы распишем самыми яркими красками. По нему будут бегать нарисованные индейцы с томагавками.

Клювгант легонько вскрикивает. Вновь хватается за калькулятор.

ДИЗАЙНЕР. Да, индейцы, ритуальные символы, тотем-

ные знаки. Все в бешеных цветах, чтобы посетители возбуждались уже при входе. Вот эти все ряды – на свалку. Здесь будут столики с ониковыми столешницами... Нет, здесь будут низкие столики синего стекла, подсвеченные снизу, и... и удобные диваны в серебряной коже... с мягкими подушками, декорированными стразами... и страусовыми перьями. Вы понимаете. Тут повесим кованые светильники. И тут. И всюду ковры, берберские ковры, которые гасят звук шагов и полностью передают восточную утонченность. Вот так вот вдоль всех стен пристроим балконы с арочными навесами. В них изящные девушки будут исполнять пьянящие, волнующие восточные танцы. Вы понимаете. И гости невольно будут погружаться в волшебное царство соблазна и дерзкой красоты. Ес?

КЛЮВГАНТ. М-м

ДИЗАЙНЕР. Сцену отодвинем вот туда подальше. И... сделаем ее совсем крошечной. Вот такой. Два на два. Шест будем ставить?

КЛЮВГАНТ. Как?

ДИЗАЙНЕР. Ну, стриптиз планируется?

КЛЮВГАНТ. Ну, можно, наверное.

ДИЗАЙНЕР. Вот. Значит, нужно сделать так, чтобы когда на сцене не будет шансонеток и комиков-скетчистов, можно было бы на ней быстро установить шест. Сделаем! Да-а, с каждым годом запросы нашего городского бомонда все возрастают. И этот проект, который вы видите в довольно

необычном, но таком оригинальном, формате кабаре, я уверен, затмит любое другое из наших заведений блеском и роскошью.

КЛЮВГАНТ (*бросая взгляд на табло калькулятора*). Да что вы все – «роскошь, роскошь»?

ДИЗАЙНЕР. Это будет уголок, милый эрмитаж для ценителей изысканных наслаждений – кабаре под загадочным названием... Вы уже придумали загадочное название?

КЛЮВГАНТ. М-м... Может, «Мулен Руж»?

ДИЗАЙНЕР. Прекрасный выбор! Правда, кажется, я уже где-то встречал это название. Роскошный интерьер, изысканное цейлонское меню, атмосфера эротизма и чувственности. Мы сделаем так, что все здесь будет подчинено главной идее – получению наслаждения. Вы понимаете. Чтобы у каждого, кто попадал сюда, уходили все мысли и рождались неожиданные мечты. Ес? (*Распахивает блокнот и начинает в нем что-то быстро писать*). Так, индейцы, столики, диваны, подушки, светильники, берберские ковры, балконы, девушки...

КЛЮВГАНТ. Девушки?

ДИЗАЙНЕР. А, да! Понял. Девушек вы сами найдете. Шест, подиум, танцпол, акустический комфорт, кондиционирование... (*Весело*). Ну, я хотел бы вам показать вот такую цифру. (*Показывает блокнот Кловгану*).

КЛЮВГАНТ. Зачем вы мне такое показываете?

ДИЗАЙНЕР. Нет? (*Делает в блокноте несколько стреми-*

тельных росчерков. Показывает Клювганту). А такое?

КЛЮВГАНТ. На это мне тоже очень тяжело смотреть.

ДИЗАЙНЕР (*заглядывает в свой блокнот*). Да? А, по-моему, вполне реально. Ну, хорошо. (*Чиркает в блокноте*). Такая цифра вам более симпатична?

КЛЮВГАН. Ох! Ну что вы! Давайте, я вам помогу.

ДИЗАЙНЕР. Нет-нет.

КЛЮВГАНТ. Ах, что вы вертитесь... как будто у вас... дерматомикоз!.. (*Выхватывает у Дизайнера ручку и что-то старательно выводит в его блокноте*). Вот.

ДИЗАЙНЕР. Что вы! Что вы! (*Делает широкий росчерк*).

КЛЮВГАНТ. Да нет же! Давайте, я...

ДИЗАЙНЕР. Нет, я. Я сам. Смотрите. (*Вновь что-то размашисто пишет в блокноте. Показывает*). Ес? Это уж, чтобы и вашим и нашим.

*В сумраке арьер-сцены проступает розовое платье
Валентины.*

КЛЮВГАНТ (*сопя и отдуваясь*). Ну, не знаю... Это, конечно, приятнее. Но нужно все обговаривать.

Клювган и Дизайнер направляются к кулисам.

ДИЗАЙНЕР (*тычет Клювганту блокнот*). Да смотри-те же, я сейчас вот эту цифру...

КЛЮВГАНТ, Нет-нет, не эту... Лучше таки вон ту. Давайте я сам... Никто ж не говорит об даром...

Уходят.

Валентина делает несколько шагов.

Останавливается. Внимательно оглядывает все части сцены, так, будто видит их впервые.

ВАЛЕНТИНА (*едва слышно*). Любите ли вы театр так, как я люблю его...

Подходит к парталу. Гладит его.

ВАЛЕНТИНА (*с комичной патетикой*). Любите ли вы театр так, как я люблю его?!

Бродит по сцене, повторяя одну и ту же фразу на разные лады.

За ее спиной появляется Каратыгин. Он в костюме медвежонка.

КАРАТЫГИН (*с улыбкой*). Слышу я, девица,
Слезную жалобу.

Горе-то слышится,

Правда-то видится,

Толку-то, милая,

Мало-малехонько.

Сказывай по-ряду,

Что и как деялось,

Чем ты обижена,

Кем опозорена!

ВАЛЕНТИНА (*улыбается в ответ, принимает игру*).

Дай-ко, спрошу тебя,

Батюшко, светлый царь,

Клятвы-то слушать ли,

В совесть-то верить ли,

Али уж в людях-то

Вовсе извериться?

КАРАТЫГИН. Да-а, давненько мы эту пьесу-то игравали. А вот все в памяти хранишь. Умничка. А о чем это ты причинилась тут в одиночестве?

ВАЛЕНТИНА. О чем? О том, что Александр Николаевич Островский здесь больше не прописан. О том, что в этом театре нам больше не придется прожить ни «Снегурочку», ни «Грозу»... Ни-че-го.

КАРАТЫГИН. Ах, вот ты о чем.

ВАЛЕНТИНА. Андрей Васильевич, да вы просто не представляете, что случилось... Я даже боюсь вам об этом говорить. Это чудовищно!

КАРАТЫГИН. Что театр, так сказать, перепрофилируют?

ВАЛЕНТИНА. Да! Вы знаете?!

КАРАТЫГИН. Свершилось все, раскрылось до конца!

О свет! В последний раз тебя я вижу...

ВАЛЕНТИНА. И что? И как же вы?!

КАРАТЫГИН. Да что же тут поделаешь, душенька? Ужель это только с нами так? Ну, ежели люди возжелали видеть себя рыночным обществом, не творческим, а рыночным, что ж тут поделаешь? Вот, когда бы в этом зале пребывали люди, ты могла бы их спросить: «Желаете ли вы творить, созидать, ткать, возделывать некие эфемерные светозарные вертограды для ваших душ?» «Нет! Нет! – воскликнули бы они в ответ тебе. – Мы хотим торговать. Мы хотим

обилия вкусной пищи. Хотим цветных нарядов. Хотим игривых шуток. Хотим оглушающей музыки. Хотим самых ослепительных красок... Чтобы задуть тоненький слабенький, но такой настырный голосок какой-то непонятной тоски...»

ВАЛЕНТИНА. Андрей Васильевич...

КАРАТЫГИН. Так отнесись к ним с чувством, с состраданием. Оставь их в покое. Им тяжело живется, они страдают, они болеют.

ВАЛЕНТИНА. Но... Боже мой! Да нет... Да нельзя же так! Вот вы, вы всю жизнь в театре. Что вы будете делать? Для чего жить?!

КАРАТЫГИН. Что ж... Во-первых, я человек немолодой. А потом – у меня имеется дача. Ну, дача – это громко сказано. Садовый участок. Пять соток. Нет, безусловно, я понимаю, что сад такой площади вряд ли сможет содержать семью. Но я займусь пчеловодством. Поставлю ульи. Я уже и книжку купил – «Работа на пасеке».

ВАЛЕНТИНА (*сострадательно*). Ах, Андрей Васильевич...

КАРАТЫГИН (*оптимистично*). Правда, там, вокруг дачи, не очень-то богата кормовая база для пчел. (*Гордо*). Видишь, как я уже изъясняюсь! Но ведь можно осуществить улучшение кормовой базы для пчел в единстве с интересами ближайших колхозов... совхозов... Или что там сейчас?..

ВАЛЕНТИНА. Там сейчас – плантаторские владения нео-

колонизаторов.

КАРАТЫГИН. Ну, что ты, Валечка! Я видел, там, окрест моей дачи, есть селения. Недалече. Можно же рекомендовать поселянам (и даже помочь им в этом) окружать свои приусадебные участки живыми изгородями из цветущих кустарников. Ведь пчелы, привлеченные обилием ароматных соцветий, окажут неоценимую услугу при опылении садов, огородов и бахчей самих сельчан, а значит, многожды увеличат их урожай! (*Увлекаясь своим рассказом*). Я замечал в округе много пустырей, ужасных оврагов, некрасивых заброшенных мест. Я, думаю, можно пойти к местным жителям и предложить им совместными силами облагородить все эти пустырища и ужасные свалки высадкой медоносных деревьев и кустарников. Вряд ли обнаружатся среди местных колхозников... крестьян ли, такие, кому не по нраву пришлось бы душистые липы и белоснежные черемухи, дышащие медом яворы, могучие ветлы или карминные веточки верб, усыпанные по весне серебристыми пушками, тенистые вязы; словно облитые золотом, кусты желтой акации в цвету, плакучие ракиты вдоль рек с бледно-лиловыми звездочками цветов на изящно изогнутых ветвях, глядящихся в зеркальные воды рек и прудов. И ведь любое из этих растений может дать изрядное количество нектара для пчел! А что это... Никак ты плачешь?

ВАЛЕНТИНА. Нет, ну, что вы! (*С жалкой улыбкой*). Тушь дешевую купила. Сэкономила дуреха. Конечно, вы

могли бы пойти к пейзажам и предложить, чтобы они засадили все свои помойки и буераки жимолостью и розами. И они, я уверена, с воодушевлением и радостью приняли бы ваше предложение... Но... Милый, Андрей Васильевич... Лучше бы вы играли на сцене. Потому что вот этим ремеслом мало кто владеет так, как вы. А пчелы... Липы, ракиты... Это тоже чудесно! Но есть еще люди, которые не хуже, а, может быть, немного лучше вас разбираются в этом деле.

КАРАТЫГИН. Да?

На сцену выходят Кирилл и Джалиль Шайхельисламов. К ним подходит Кристина. Что-то спрашивает у Кирилла, затем припадает к его плечу, – тот приобнимает ее.

Чуть позже к компании присоединяется Богдан.

ВАЛЕНТИНА. Конечно. Я хотела бы вновь увидеть вас в одной из тех ролей, которые помогали многим людям иначе взглянуть на окружающий мир, понять что-то особенное, открыть новое в самих себе. А принуждать вас играть медведей – это все равно, что забивать гвозди микроскопом. Можно забивать гвозди микроскопом? Вполне. Правда, не слишком удобно, но возможно. Хотя много полезнее было бы, использовать сей предмет по назначению, не правда ли?

КАРАТЫГИН. Хм... Так что? To be, or not to be: that is the question:

Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,

And by opposing end them?

ВАЛЕНТИНА (*с чувством*). Вот именно: Сносить в душе с терпением удары

Пращей и стрел судьбы жестокой или,
Вооружившись против моря бедствий,
Борьбой покончить с ним?

Она замечает стоящих рядом и слушающих артистов.

ВАЛЕНТИНА (*всем*). Или,
Вооружившись против моря бедствий,
Борьбой покончить с ним?

ВСЕ (*почти слитным хором*). Вооружившись против моря бедствий,
Борьбой покончить с ним!

Актеры сходятся в узкий кружок и принимаются что-то оживленно и весело обсуждать.

Появляется Табаки. Опять в его руках порхает листок бумаги. Он пытается приблизиться к группе. Но его манёвр не остается незамеченным, – уняв ажитацию прений, артисты, не размыкая круга, начинают двигаться к кулисам, за которыми и скрываются.

Оставшись в одиночестве, Табаки принимается нервно бродить по сцене, время от времени заглядывая в тот или иной угол. Вдруг что-то привлекает его внимание вверху сцены.

ТАБАКИ (*кричит по направлению осветительской будки*). Что вы повключали столько софитов?! Может, из вашей

зарплаты надо удерживать за перерасход электричества?!

Входят Дизайнер и Ключгант.

КЛЮВГАНТ (*доверительно, сладко*). И можете быть так уверены, что я перекинусь словечком по вашему вопросу и с Яковом Львовичем, и с...

ДИЗАЙНЕР. Вы имеете в виду...

КЛЮВГАНТ. Да. Да-да-да.

ДИЗАЙНЕР. М-м!

КЛЮВГАНТ. И с тем, о ком я вам там говорил. И никакого для вас геморроя! Так что, вы будете иметь свой очень хороший интерес.

ДИЗАЙНЕР. Ну, может быть. А я поговорю с генеральным. Вы понимаете.

Дизайнер делает некие тайные знаки, – Ключгант отвечает такими же таинственными пассажами.

ДИЗАЙНЕР. Чтобы вы могли получить... (*Те же пантомимные средства выразительности*). Так сказать, премию за сотрудничество с нами. Ес?

КЛЮВГАНТ. Ес, ес. А уж вы нам все-таки скидочку.

Стороной проходит Тетя Катя. В одной ее руке неизменная швабра, под мышкой другой – вазон с довольно крупным растением.

КЛЮВГАНТ (*тете Кате*). Ну-ка... Эй, как вас?.. Проводите нашего гостя к выходу. (*Дизайнеру*). Так не забудьте: нам скидочка, вам... да, то самое. И еще... И вот это...

ДИЗАЙНЕР. До свидания.

КЛЮВГАНТ. Всего наилучшего.

Дизайнер уходит за Тетей Катей.

КЛЮВГАНТ (*Табаки*). Ну, что, подписи собрал? (*Отнимает у Табаки листок бумаги, который тот порывается спрятать*). Ну, что я тут вижу? Я вижу одну белую бумагу!

ТАБАКИ, Так сейчас же того. Они это. Все костюмы меряют. Репетиция же вот.

КЛЮВГАНТ. А это на обороте что тут за каракули?

ТАБАКИ (*преображаясь*). Так это ж я зафиксировал... Вы же просили присмотреть за настроениями в коллективе.

КЛЮВГАНТ. Боже мой, что это?! Автографы болезни Паркинсона? И что?

ТАБАКИ (*горестно*). Как я вот это погляжу... не любят они вас. В смысле, нас. Не любят нас с вами.

КЛЮВГАНТ. Да? Ну, как говорят умные люди, даже из самой сладкой любви компота не сварить. И что?

ТАБАКИ. Ну, вот, Букетова Валентина сказала, что адвокаты хуже проституток.

КЛЮВГАНТ. Ты посмотри, какие разговоры внутри этого народа бродят. А с виду такие покладистые дрессированные жи... жители.

ТАБАКИ. А вот Кирилл. Тот, которому вы зачем-то хотите постановку у нас дать. Стожаров. (*Читает*). «Ротшильды укрепляют героиновые пути».

КЛЮВГАНТ. Это из каких же средств массовой информации он такое узнал?

ТАБАКИ. А вот Нетудыхатка. Нетудыхатка Богдан. Умник! Говорит: «Кто курирует наркотрафик, тот и организует всякие гуманитарные организации по борьбе с наркотиками». Наглец какой. И еще, что миротворческие войска нашего мирового сообщества захватили Афганистан, чтобы (*читает*) наставить военных баз в регионе и засыпать героином все подступы к источнику энергетических ресурсов.

КЛЮВГАНТ. Так-так-так...

ТАБАКИ. С такими мыслями... с такими разнузданными мыслями их ничего не заставишь подписать... Им бы вот кнута дать!

КЛЮВГАНТ. Так-так-так... Осла подгоняй не кнутом, а таки овсом. Надо им дать... немного денег.

ТАБАКИ. Денег?!

КЛЮВГАНТ. Да... Да! Иди сейчас к Изабелле Наумовне, скажи я велел всем артистам немедленно выдать по десять... ладно уж, таки по двадцать условных денежных единиц.

ТАБАКИ. По двадцать баксов! Вот так, ни за что...

КЛЮВГАНТ. Они отдадут.

ТАБАКИ. Как отдадут? Да у них ничего нет! Они нищие. Они не отдадут!

КЛЮВГАНТ. Они все мне отдадут. (*Стремительно идет к выходу. Резко останавливается*). Да, после раздачи денег – летучка. Подготовьте место, соберите людей.

ТАБАКИ. А где? Все ж занято... А у вас в кабинете уж неделю, как начали ремонт.

КЛЮВГАНТ (*раздраженно*). Ну, не знаю. Подумайте. Вы же олигофренией не страдаете. Организуйте. За что вы таки деньги получаете? (*Уходит, фыркая и отдуваясь*).

Табаки после ухода директора какое-то время остается стоять на месте. Затем делает несколько шагов в одну сторону, в другую... Садится на стул. Сидит, не шевелясь, уперши локти в колени и закрыв ладонями лицо.

Мяукает кошка.

Голос рабочих.

Где-то далеко взрыв хохота нескольких человек.

Звукорежиссер запускает какую-то мелодию, но носитель, как видно, испорчен: музыка искажается и начинает дребезжать.

ТАБАКИ (*внезапно вскакивая, кричит звукорежиссеру*).

Да я же сто раз тебе говорил выбросить этот запиленный диск! Ты что, хочешь мне репетицию завалить?!

В ответ доносится ослабленный расстоянием голос:

«Да это я проверяю... Смотрю тут... Дисков же новых не куплено...» И далее – еще что-то неразборчивое.

В отдалении слышится смех, говор приближающейся группы людей. Табаки напрягается всем телом, и из его рукава начинает сам собой медленно выползать листок бумаги.

Но вот артисты уже на сцене. В их руках куски обоев, коробки и банки с красками, кисти. Не обращая

внимания на Табаки, они располагаются здесь же — раскладывают свои причиндалы, принимаются разводить краски, оживленно обмениваясь воспоминаниями о различных цеховых курьезах.

Табаки какое-то время толчется рядом, но неловкость его положения с каждой минутой обозначается все резче, и он наконец ретируется.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. А как мы на военном корабле перед матросами играли. Привезли детям офицеров в военный городок детский спектакль. КРИСТИНА. Ага! Сыграли.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. А командир корабля говорит: «А сыграйте-ка спектакль для моих матросов».

КРИСТИНА. Мы его начали отговаривать: «Да у нас, реально, декорации, костюмы, все только для этого детского спектакля».

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. А он: «Ничего. Они на корабле сидят, ничего не видят — и этому будут рады».

КРИСТИНА. Ну, чё... мы согласились.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Прямо на палубе там какие-то такие импровизированные подмости соорудили... Но спектакль-то был построен на общении со зрительской аудиторией.

Кристина смеется.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Ну вот, выбегает Кристинка в костюме Чебурашки и спрашивает зал, моряков то есть этих: «Дети, кто я?»

КРИСТИНА. Вау! Там такие лбы сидят... Каменные!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. В ответ тишина. А спектакль так поставлен, что играть дальше без ответа зала нельзя.

КРИСТИНА. Да!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Кристинка делает забег по площадке и опять: «Дети, кто я?»

КРИСТИНА. Ага! Дети, кто я?

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Тишина.

КРИСТИНА. А играть дальше – никак!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Она опять как-то там попрыгала. «Дети, кто я?» И тут из этой толпы раздается недовольный такой бас: «Кто-кто... Чебурашка гребаный!»

Общий смех.

КРИСТИНА (*вдруг*). Валечка, ты прости меня, окей?

ВАЛЕНТИНА. Ты о чем?

КРИСТИНА. Ну, я тебе типа таких глупостей наговорила сегодня...

ВАЛЕНТИНА. Да брось! Это ты меня извини: я сама дуручка... Не знаю, чего это... Извиняешь?

КРИСТИНА. Ой, конечно! И вы меня, и вы.

ВАЛЕНТИНА. Я уже все давно забыла.

КРИСТИНА. О, вандефул!

КИРИЛЛ. О чем это вы тут?

ВАЛЕНТИНА. А это... так... Маленький женский секрет.

КАРАТЫГИН (*Валентине*). А помнишь, в восьмидесятых, в Абхазии, в Сухуми мы спектакль играли. Что-то там

тоже бестолковое такое... про цирк. Для детей младшего возраста.

Валентина поняла о чем речь и уже начинает смеяться.

КАРАТЫГИН. Но барышни наши, ты среди них, помнишь, там цирковых лошадок изображали – облегающее трико, волосы в длинных хвостах. Так все первые ряды были заняты местными молодцами...

ВАЛЕНТИНА (*сквозь смех*). Да! Да-а! А спектакль-то детский!..

КАРАТЫГИН. Весь партер заполнен джигитами, за ними малолетние дети, и почитай у каждого джигита в руках полевой бинокль.

Общий смех.

КАРАТЫГИН. А еще говорят, что тогда секса не было!

ВАЛЕНТИНА. Да только тогда он и был.

БОГДАН. Да, теперь никто и в Сухуми в театр с полевым биноклем не ходит.

ВАЛЕНТИНА. Вялыми стали, дряблыми.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Потому, что всех тошнит от этого трясущегося мяса, которым нынешняя пропаганда народ уже закармила.

Тетя Катя выходит на сцену. В одной руке швабра, в другой – лестница стремянка. Вероятно, она что-то ищет. Подходит к порталу, устанавливает стремянку, ручкой швабры пытается зацепить что-то, находящееся вверху. С третьей попытки ее старания

увенчиваются успехом, – сверху падает пара черных резиновых сапог. Здесь же она оперативно переобувается и немедленно уходит. Все время нахождения на сцене Тетя Катя разговаривает сама с собой.

ТЕТЯ КАТЯ *(между делом).* Новый «Туалетный утенок» – Чистота и свежесть на сто смываний гарантированы. «Туалетный утенок» сделает за вас всю грязную работу. Питает вашу кожу, придавая ей здоровое сияние. Моя кожа сияет, и я это ощущаю. Качество изображения в пять раз лучше. Получи более шестьдесят каналов. Не пропусти ни одного момента в фу-эйч-джи-качестве! «Туалетный утенок» сделает за вас всю грязную работу. Разыграй друзей, пока они не разыграли тебя. Звони – ноль, восемь, семь, один, пароль – три, три, три. И приколись! Новый «Рэйд» убивает комаров насмерть. Живи в новом формате фу-эйч-джи. Теперь вам не нужно каждое утро спешить на работу в час пик. Торгуя валютой на рынке «Форекс», вы сможете зарабатывать любые деньги, в любом удобном для вас месте. «Форекс-клуб» – люди, которые делают деньги.

КИРИЛЛ. Во до чего тирания пропаганды людей доводит!

ВАЛЕНТИНА. Кошмар!

Система внутритеатрального оповещения доносит голос помощника режиссера: «Артисты театра приглашаются в бухгалтерию для получения внеочередной денежной премии».

БОГДАН (*подскакивает на месте*). Ничего себе!

КРИСТИНА. Вау! Вандефул!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Внеочередной премии! А что, у нас когда-то были очередные премии? Они вообще были когда-то?

ВАЛЕНТИНА. При Клювганте – ни разу.

Голос из динамика: «Деньги желательно получить в течение ближайшего времени, до летучки, поскольку бухгалтер убывает в банк».

КРИСТИНА. Вандефул! Я как раз реально собиралась стильный парфюм купить. Если, конечно, мне его не подарят... А что это? В честь чего?

КАРАТЫГИН. Да уж понятно, в честь чего.

ВАЛЕНТИНА. Н-да, если он решился на материальные траты... Дело серьезно.

БОГДАН (*бросает кисть*). Я побежал.

ВАЛЕНТИНА. Но это же...

КРИСТИНА. Я тоже.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. А как же?.. Мы не должны поддаваться на такие примитивные уловки.

БОГДАН. А что тут такого? У него еще столько моих денег остается, из моего кармана украденных. Хоть эти заберу. (*Уходит*).

КРИСТИНА. Богданчик! Я с тобой. (*Идет за Богданом*).

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Да, не все морально устойчивы в нашем коллективе...

ВАЛЕНТИНА. Нет, в принципе... почему бы и нет?.. До получки еще... (*Смотрит на Каратыгина и осекается, продолжает живописные работы совместно с Кириллом*). Нет, в самом деле. А сколько там дают?

КАРАТЫГИН. Жизни годы

Прошли не даром, ясен предо мной

Конечный вывод мудрости земной:

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день за них идет на бой!

Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной

Дитя, и муж, и старец пусть ведет,

Чтоб я увидел в блеске силы дивной

Свободный край, свободный мой народ!

Появляется Табаки. Он держится в стороне, не решаясь приблизиться к группе, и даже делает вид, что пришел сюда осмотреть осветительную аппаратуру.

КИРИЛЛ (*отвлекаясь на минуту от рисования, Табаки*).

А вы опять с листком?

Табаки хочет взглянуть на работы плакатистов, но дорогу ему заступает Джалиль Шайхельисламов.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Что хоть там такое? Дайте...

ТАБАКИ. Там деньги... что-то я краем уха слышал, вроде дают?..

ВАЛЕНТИНА. Да, мы тоже слышали. С чего бы это Натан Фридманович сподобился?

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Дайте, дайте...

Табаки в нерешительности удерживает листок.

КИРИЛЛ. Прочесть-то дайте.

ТАБАКИ. Так вы ж подписывать не хотите...

КАРАТЫГИН. Почему же вы полагаете, что не хотим?

ВАЛЕНТИНА (*присоединяется к Шайхельсламову*).

Очень даже хотим. И сейчас все всё тут и подпишем. Запросто. Дайте Джалилю, пусть прочтет.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ (*берет листок у Табаки, читает*). Так... Аркадию Семеновичу... так... мэру... Ага! Мы, нижеподписавшиеся, члены творческого коллектива театра убедительно просим вас передать наш убыточный театр в частную собственность Натана Фридмановича Клювганта с тем, чтобы он имел возможность модернизировать его по современному европейскому образцу – усовершенствовать его техническую базу, внедрять новинки научно-технического прогресса, тщательнее осуществлять контроль за соблюдением трудового законодательства, улучшить условия творческого труда, быта и отдыха работников театра, что для нас, членов творческого коллектива, в свою очередь дало бы возможность повысить качество нашего актерского мастерства, привело бы к улучшению производимых нами спектаклей, сделало бы их коммерчески выгодными, а значит, повысило бы выручку театра и наши личные доходы. Ниже фамилии. Номер один – Букетова Вэ Эм... И так далее. По алфавиту.

Томные кошачьи голоса.

ВАЛЕНТИНА, Ну! Прекрасно. Я считаю, что замечательно. И написано хорошо,

КАРАТЫГИН. Хороший слог.

ВАЛЕНТИНА. И все по делу. А?

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Я сейчас же и подпишу.

ВАЛЕНТИНА. И я.

КАРАТЫГИН. И я, всенепременнейше.

Все по очереди пишут на листке, передавая его от одного к другому.

Табаки сперва кажется ошеломленным столь легкой победой, но вскоре он находит объяснение внезапной перемене настроений коллектива.

ТАБАКИ. Да, вот эта премийка как нельзя кстати, согласитесь. Я вот тоже сейчас пойду. Все-таки двадцать баксов!

КАРАТЫГИН. А откуда вы знаете сколько?

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Да, об этом, вроде, информации не было.

ТАБАКИ (*смешавшись только на миг*). Да? Не было? Ну, я так думаю. (*Нашедшись*). А сколько, не по тысяче ж УДЕ выпишут, правильно?! (*Он счастлив*).

Табаки с поспешностью прячет листок с подписями (словно боится, что артисты вдруг могут решить отобрать свои автографы) и, истекая улыбками, удаляется.

Артисты возвращаются к своему художническому труду.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ (*удрученно сопит, выводя кистью какие-то мыслете*). Да-а-а... Предатели.

ВАЛЕНТИНА. Почему ж они не могут забрать деньги? Ну, не на что людям жить. Пусть.

Шайхельисламов сопит.

И вдруг гаснет свет.

ВАЛЕНТИНА. Опа!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ (*после паузы*). Что это? Отключение за неуплату?

Свет вспыхивает и, мигнув пару раз, вновь гаснет.

Полная темнота.

КАРАТЫГИН. Может, это кто-то знаки какие-то подает?

ВАЛЕНТИНА. Инопланетяне.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Или миротворцы прилетели – электростанцию разбомбили.

КАРАТЫГИН. Это вряд ли.

КИРИЛЛ. Слава Богу, в округе нашего города нет нефтяных скважин.

Голос звукорежиссера: «Петрович, это у тебя там, что ли?!» Голос Петровича: «Да нет. Хрен его знает!» Голос

звукорежиссера: «Может, на станции чего?» Голос

Петровича: «Да нет. Не похоже. Вон, я отсюда вижу, в буфете свет есть. Это кто-то рубильник дернул.

Шутник. Пошли глянем“. Голос звукорежиссера: „Иду...

Только, как тут в темени такой... пробраться?..» Грохот

чего-то, задетого в темноте. Сдавленные ругательства.

И полная тишина.

Полная темнота.

ВАЛЕНТИНА. Ой, так интересно. Там за стенами театра – день, люди по улицам бегут, у каждого своя какая-то цель, машины куда-то спешат... А тут – крошечный мрак.

КАРАТЫГИН. И такая тишина. Исключительная!

КИРИЛЛ. Как в гробу.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Откуда ты знаешь, какая в гробу тишина?

КИРИЛЛ. Ну... я так думаю.

ВАЛЕНТИНА. Ау! Ау-у! По-тря-сающе...

Вдруг вспыхивает свет. По театру разносится залихватский собачий лай. Душераздирающие вопли кошек. Собачий лай звучит все агрессивнее. Крики кошек – все истеричней, все отчаяннее. Но вот к ним уже присоединяются голоса людей. Топот. Грохот. Женский визг. Беготня.

Голоса:

– Лови! Лови!

– Собаку держи!

– Сейчас! Она же дикая! Может, она бешеная!

– В клетку, в клетку загоняй! Стулом ее! Стулом!

Артисты не успевают определиться в своих дальнейших действиях, как на сцену выбегает Клювгант с кошачьей

клеткой в руке. За ним поспешает Табаки – с двумя клетками.

КЛЮВГАНТ. Она куда-то сюда побежала! (*Видит артистов. Его желтое лицо становится ярко-оранжевым*). А-а! Кто?! Кто?! Кто?!!

ВСЕ. Что?

КЛЮВГАНТ. Кто?!

ВСЕ. Что?!

КЛЮВГАНТ. Кто?! Кто это выпустил кошек?! Кто это притащил с улицы дворняг?!

ТАБАКИ. Кто притащил дворняг?

КЛЮВГАНТ. Кто устроил таки этот... зверинец?! Да вы знаете, что тут есть кошки по три тысячи долларов?! По пять!!! Куда она?! Я видел, она сюда... Я с вас все высчитаю! Вы у меня... Ну, где?! Смотри! Там таки смотри! А вы, что стоите?! Террористы! Террористы!!

ТАБАКИ. Вон, там!

КЛЮВГАНТ. Где?!

Бросается в указанном направлении, скрываясь в горах театрального хлама.

ТАБАКИ. Не там. Там!

Клювгант выскакивает уже из другой части сцены, бежит

в указанном направлении. Вдруг резко тормозит.

КЛЮВГАНТ. А ты что?

ТАБАКИ. Так у меня же клетки...

КЛЮВГАНТ (*артистам*). А вы что?!

Артисты в полной растерянности топчутся на месте.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Так у нас же нет клеток...

КАРАТЫГИН. И перчаток. Для ловли кошек всенепременно нужны брезентовые перчатки.

А где-то в фойе театра катавасия лишь набирает интенсивность. Слышится неистовый вопль помощника режиссера (на этот раз не из динамика): «Ой, спасите! Спасите! Спасите!!» И Ключевгант с ответным кликом — «Террористы!» — уносится со сцены. За ним летит, размахивая кошачьими клетками, Табаки.

ВАЛЕНТИНА. О-бал-деть...

КИРИЛЛ. Это Богдан что ли с Кристиной устроили?

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Да кто ж его знает...

Артисты переглядываются... И разбегаются в разные стороны.

На сцену вновь выскакивает Табаки, на этот раз с перевернутым пластиковым ведром, которым, надо быть,

он намеревается накрыть какую-то из мохнатых беглянок.

Пока Табаки проводит охотничью операцию с ведром, по сцене успевает дважды гулко протопотать Ключевгант. В третьем забеге его останавливает звонок мобильного телефона.

КЛЮВГАНТ (*в телефон*). Да, Артемий Семенович. Доб-

рого вам здоровьечка. Дышу? Я дышу? Да так, решил, знаете, таки размяться, знаете... Астмочка чуть-чуть. Совсем чуть-чуть. Да, оздоровительная физкультура. Нет-нет, для вас я всегда свободен, вы можете не сомневаться ни одну минуточку. Что? На лобовом стекле? Листок? Ничего не понимаю... Да, я знаю, что вы таки всегда ставите ваш шикарный лимузин на нашу автостоянку... Так... Увидели на лобовом стекле вашей машинки... Да, прижатый дворником к стеклу... листок. Та-ак. И что на нем написано? Что?! Извините, Артемий Семенович, можно я за вами буду повторять, чтобы быть таки уверенным, то ли я услышал? Да. В связи с постоянным ростом моих расходов... Так? Ага. Цена... Цена за пользование парковкой увеличивается в десятикратном размере. Да. Нет! Нет!! И на каждой машине? Такие листки на каждой машине?! Подписано моей фамилией? Это какая-то идиотская таки грязная шутка. Как не будете больше здороваться?! Нет! Я сейчас все объясн...

Меж тем, собачье рычание, кошачьи крики помалу стихают.

На сцену, едва заметно прихрамывая, шагом, подобным шагу фокстрота, проскальзывает немолодая дама в странном бледно-лиловом платье, чем-то напоминающем

те наряды, в которых на конкурсах бальных танцев танцовщицы исполняют венский вальс. Ее сложная высокая прическа всклокочена, в свисающем локоне

болтается золотая роза.

ДАМА (*в ажитации, Ключганту*). Что вы со мной сделали?! Что вы со мной сделали?!

КЛЮВГАНТ. Я с вами?

ДАМА. Вы меня уничтожили!

КЛЮВГАНТ. Уничтожил?

ДАМА. Я сижу в салоне... Мой салон – это салон креатива и роскоши. Ко мне обращаются персоны самого высокого полета, особы обладающие вкусом и положением в обществе. Я сама в юности занималась балетом. И подавала, не скрою, очень серьезные надежды. Я сижу в салоне... Заходит группа женщин в черных платьях. Я была уверена, что это классический стиль от «Шанель». Мои клиенты – это очень стильные люди. Я встаю, протягиваю к дамам руки и, как всегда, широко душевно улыбаясь, делаю им несколько комплиментов по поводу их туалетов, и произношу свою фирменную фразу: «Милые леди, я поздравляю вас!» Они стоят... точно превратились в соляные столбы. И чтобы их как-то взбодрить, в качестве такой... элегантной игры, я обращаю к ним следующие слова. «Не говорите, – говорю я им, – не говорите, кто из вас та самая счастливица, к которой наконец-то пришло долгожданное счастье, – я попробую угадать сама». Лицо одной мне показалось особенно торжественным, – я говорю: «Это вы счастливица!» Она в слезы. Я решила, что дама от переизбытка чувств. А тут остальные, как набросятся на меня! С ногтями! С пощечинами! С такими словами!

Я даже их значения не знаю... Натан Фридманович, я плачу вам серьезную сумму. И я хотела бы... Я требую...

КЛЮВГАНТ. Да при чем тут это?

ДАМА. Вывеску моего свадебного салона «Бавкида» кто-то поменял с вывеской соседнего похоронного бюро «Харон»!

КЛЮВГАНТ. Да при чем тут таки я? Мало ли кто что вам поменял?

ДАМА. Но это можно сделать только изнутри театра, с балкона второго этажа. Натан Фридманович, я плачу вам немалые деньги...

К владелице салона присоединяется маленький человечек в черной паре.

ГОСПОДИН В ЧЕРНОМ (*он также чрезвычайно взбужден*). Вот именно! Вот именно, за такие деньги. Вы обещали, что я буду чувствовать себя, как у Бога за пазухой!

КЛЮВГАНТ. Пойдите, давайте...

ГОСПОДИН В ЧЕРНОМ. Вы уж, пожалуйста, теперь меня не перебивайте. И вот является банда каких-то разнужданных молодчиков. С пивом в руках. И с ними такие же девицы...

КЛЮВГАНТ. Да погодите...

ГОСПОДИН В ЧЕРНОМ. Вы уж, пожалуйста, теперь меня не перебивайте. И один, такой наглый, заявляет: «Нам нужна упаковка для невесты». Я, разумеется, принес свои соболезнования: «Это такое несчастье – уйти в столь юном

возрасте!» Провожу их в выставочную комнату. «Вот этот белый гроб будет достойнымместилищем ее ангельской красоты, увядшей в апогее своего расцвета». Так ведь они бросили в меня крышкой этого гроба. А она из МДФ с тройным слоем автоэмали. Но МДФ не выносит такого с собой обращения, – и, конечно, крышка раскрошилась!

Клювгант пытается все-таки что-то сказать.

ГОСПОДИН В ЧЕРНОМ (*подавляя эту попытку*). И при этом они несколько раз назвали меня могильной крысой! Меня еще никто не называл ни только могильной крысой, но даже просто крысой никто не называл. И я буду требовать от вас компенсации. Да! Потому что правильно говорит эта госпожа, – я плачу вам аренду исправно и в полном объеме...

КЛЮВГАНТ (*беря за талии обоих*). Золотки мои, я обязательно во всем разберусь. И, можете мне так поверить, преступники будут выявлены и наказаны самым жестоким образом. (*Подталкивает их к выходу*).

ДАМА. Я бизнес-леди...

КЛЮВГАНТ. Кто же этого не знает?!

ГОСПОДИН. Но я хотел бы...

КЛЮВГАНТ (*продолжая теснить жалобщиков*). Сейчас, прямо сейчас у нас состоится производственное собрание, на котором мы так установим виновных в этом чудовищном преступлении и поставим им такой клистир, что... А до результатов следствия...

ДАМА. Я могу дать любые показания!

КЛЮВГАНТ. ...я убедительно прошу вас оставаться на местах.

ГОСПОДИН В ЧЕРНОМ. Я буду требовать от вас честной компенсации...

КЛЮВГАНТ (*выталкивая визитеров со сцены, вдогонку*). Непременно. Мы непременно об этом поговорим. Позже. (*Совсем другим голосом: властно, громко, почти истерично*). Где все?! Где люди?! Где эти уголовники?!

Незамедлительно появляется Табаки, за ним прочие артисты. С ними Кирилл Стожаров.

КЛЮВГАНТ (*неустово*). Кто зачинщик?!

ВАЛЕНТИНА (*возможно, передразнивая*). Кто затейщик?

КАРАТЫГИН. Кто закоперщик?

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Кто заводила?

БОГДАН. Кто запевала?

Клювгант в растерянности.

КЛЮВГАНТ. Так, немедленно – оперативка! Сейчас же!

КАРАТЫГИН. В каком же месте будет назначено проис- текать сему действию?

КРИСТИНА. Вау! Мест-то уже и не осталось.

КЛЮВГАНТ. У меня в кабинете.

ВАЛЕНТИНА. У вас в кабине начали ремонт. Штучный паркет завезли: цветами, узорами. Карельская береза? Эбеновое дерево?

КЛЮВГАНТ. А что вы так язвительно? Может быть, вы

считаете, в директорском кабинете пол должен быть земляной?

ВАЛЕНТИНА. Как вы могли такое подумать, Натан Фридманович? Я убеждена, что в директорском кабинете пол должен быть выложен плиткой из чистого золота.

КЛЮВГАНТ. Чистого золота? Чистого золота?! Да вы знаете, что я вам за ваше «чистого золота»?!

ВАЛЕНТИНА. Что? Что вы мне, добрейший? Ну же?

КЛЮВГАНТ (*берет себя в руки*). Так, немедленно проводим оперативку.

АРТИСТЫ (*вместе*). Где?

КЛЮВГАНТ. Где-где... (*Очень быстро осматривается*). Где... Здесь.

БОГДАН. Прямо здесь?

КРИСТИНА. На сцене? Вандефул!

КЛЮВГАНТ. Да, здесь. Да, на сцене. Сцена для артиста – это и дом, и родина, и... конференц-зал.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Это для артистов нашего театра.

КЛЮВГАНТ (*пропуская шпильку мимо ушей*). Принесите стулья. Ну! Что у вас, африканский трипанозомоз?! Стулья несите. Там, вон, я вижу, торчит. Несите.

Артисты разбредаются по сцене, вытаскивают разнообразные стулья, подчас из самых неожиданных мест сцены, расставляют их. Но вместе с тем они поднимают с

пола истоптанные в кошачьей суматохе плакаты,

написанные ими на кусках обоев...

ТАБАКИ (*тащит огромный фанерный трон из оформления какой-то сказки, крашеный бронзовой краской*). Это вам, Натан Фридманович.

КЛЮВГАНТ. Что? Это еще что такое?

ТАБАКИ. Стульчик.

КЛЮВГАНТ. Да он, – я сяду, – развалится.

ТАБАКИ. Нет-нет, это же еще от старых спектаклей осталось!

...некоторые плакаты водружаются на древки, иные — артисты развешивают на полуопущенном заднике. На плакатах лозунги:

Достойные условия труда и оплаты!

Доходы театра – в производство, а не в директорский карман!

Долой директоров-стяжателей и их прислужников-компрадоров!

Власть в театре под контроль его работников!

Это наш театр! Хотим дышать свободно!

Поставим власть управителя под контроль создателя!

Клювгант в директорстве – развал в театре!

Вернем театр народу!

Любите театр, или убирайтесь из него!

Не желаем жертвовать своим благополучием, ради счастья

Н. Ф. Клювганта!

За театр без Клювганта!

Театр – не плацдарм для авантюр Н. Ф. Клювганта и его приспешников!

Уничтожим культ богатства и стяжательства!

За Родину! За наш театр!

Клювгант нуждается в тебе, ты не нуждаешься в Клювганте!

Театр или смерть! Мы победим!

И даже – Нет неокOLONиализму!

Наконец все расслаживаются. Табаки странным образом располагается как-то посередине между актерами и «треном» директора театра.

КЛЮВГАНТ (*используя предложенный ему трон в качестве трибуны; должно быть, ощущая себя соколом, падающим с неба на дичь*). Что это значит?!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Что?

БОГДАН. Что это?

КЛЮВГАНТ. Не валять дурака!!!

ВАЛЕНТИНА. Ого! Натан Фридманович, а что это вы так расходились? Что это вы взялись кричать-то на нас, а? Вам никак восемнадцатый век пригрезился? Крепостной театр?

КАРАТЫГИН. Да ведь вы не граф Шереметьев, не князь Юсупов.

ВАЛЕНТИНА. Какой там Юсупов! Право, Карабас-Барабас.

КЛЮВГАНТ (*с диковинной внезапностью переходя к ка-*

кой-то пугающей задушевности). Друзья, коллеги, ведь мы должны, мы обязаны быть сообщниками... в смысле, единомышленниками. Потому что театр – это таки коллективное творчество. Мне понятен ваш революционный задор, я даже готов все вам простить... Хотя сердце мое обливается слезами. Однако революции закончились, пришли другие времена. Боже мой, очень таки тяжелые времена. Конечно, каждый из вас... Каждый из нас зубами держится за эту работу, потому что другую найти очень трудно. И хотя все мы, кто работает в театрах, зарабатываем таки гроши, мы говорим: «Лучше плохая заплатка, чем хорошая дырка». И еще говорим: «Господи, дай мне хлеба, пока я имею зубы». Правильно?

БОГДАН. Нет.

КЛЮВГАНТ (*не замечая*). И я по мере своих сил, как директор этой организации, бьюсь до кровавого пота, чтобы хоть вот на такую пимпочку (*жестом показывает, какова она, «пимпочка»*) улучшить свое... улучшить наше с вами положение. Вы думаете, я что-то таки имею от того, что некоторые помещения нашего театра отданы в аренду?..

ВАЛЕНТИНА. Мы не думаем, мы уверены.

КЛЮВГАНТ. И напрасно. Вы не знаете, да и не должны, конечно, знать... Вот отреставрирован фасад театра...

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Покрашен до половины.

КЛЮВГАНТ. А какие это деньги! Боже мой! Вы знаете? Вы не знаете. Я и не хочу, чтоб вы знали, пусть это остается

бременем, тяжким крестом на плечах руководителя. А буфет! Ведь мне уже миллион таки раз предлагали сдать его в аренду под сауну. За сумасшедшие деньги! Но я всякий раз бросал им в лицо: «Я ни за что не оставляю артистов голодными! Я не хочу, чтобы у них был гастрит и язвенная болезнь». И, как вы можете видеть, буфет таки на месте и по сей день.

БОГДАН. Удивительно.

КЛЮВГАНТ. Я все делаю для того, чтобы вы все имели. Вот разрешил постановку (*указывая на Кирилла*) молодому очень таки талантливому режиссеру, который приехал к нам прямо из столицы. Я делаю все, что в моих силах. Так зачем это противостояние? Давайте сотрудничать. Давайте вместе зарабатывать хорошие деньги.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Уже заработали...

КЛЮВГАНТ. Ведь мы теперь живем в правовом государстве. В рыночном обществе. Всюду рынок, – а, значит, надо проявлять ум, надо уметь подстроиться под законы рынка. Вот что это за плакат вы держите? «Уничтожим культ богатства и стяжательства!» Зачем же уничтожать счастье?! Так давайте возьмемся за руки и вместе, одной командой, одной, как теперь говорят, бандой... Вот, я вижу, кто-то написал: «Клювгант нуждается в тебе, ты не нуждаешься в Клювганте!» Это совсем не правильно. Я очень хорошо таки разбираюсь во всех махинациях рынка, я имею опыт... Я вам очень нужен. Вы даже не представляете, как я вам нужен! Да вот, вот человек (*указывая на Кирилла*) со стороны сей-

час беспристрастно скажет. Этот человек из столицы, человек с очень шикарным образованием, таки умница (*делает жест, предлагающий Кириллу слово*), вот он сейчас скажет. Скажет, что только совместными усилиями в условиях рынка мы сможем добиться благополучия наших карманов. (*Делает еще жест*).

КИРИЛЛ (*выходя на середину*). Большое спасибо за предоставленное слово. Вы, надеюсь, не будете против, если это слово будет представлено специфическими средствами выражения сценического действия?

КЛЮВГАНТ (*он обескуражен*). О-о! Хм... Это ж как?

КИРИЛЛ. Одну минуту.

Кирилл отходит в сторону, подзывает к себе артистов, — те обступают его плотным кружком.

КЛЮВГАНТ (*Табаки с тревогой*). Что это они такое опять?.. Кошки заперты?

ТАБАКИ. Безусловно, Натан Фридманович. В вашем кабинете складированы.

КЛЮВГАНТ. Складированы?

ТАБАКИ. Ну... в клетках. Все под замком.

КЛЮВГАНТ (*облегченно вздыхает*). Ну, ладно...

Между тем в группе артистов происходит некое оживленное обсуждение. Из возбужденного перегуда приглушенных голосов то и дело вырываются смешки, междометия, отдельные фразы.

БОГДАН, Ого! Ну, да! Ого!

КАРАТЫГИН. I may say, whirlwind of passion, you must acquire and beget a temperance that may give it smoothness!¹

КРИСТИНА. Вандефул!

Клювгант начинает волноваться.

КЛЮВГАНТ. Что это вы там?

КИРИЛЛ. Сейчас, сейчас.

ТАБАКИ (*Клювганту*). Может, пока не поздно, ОМОН вызвать?

КЛЮВГАНТ. Да погоди ты!..

Наконец артисты размыкают свой тесный круг.

КИРИЛЛ. Ну, ответ можно было бы сформулировать так... (*Представляющий жест, обращенный к Кристине*).

Лиса. (*Такой же жест по направлению к Шайхельисламову*).

Тетерев. Остальные артисты, вне зависимости от костюмов, будут представлять собак.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Вообще-то костюм у меня гуся...

КИРИЛЛ. Ну, это не важно. Тоже птица. Здесь всё люди творческие с весьма развитым воображением.

Шайхельисламов устанавливает посередине площадки стул, садится на него.

КИРИЛЛ. На дереве сидел тетерев.

Мимо стула Шайхельисламова своей «красивой» походкой манекеницы дефилирует Кристина.

¹ Я бы сказал, в смерче страсти вы должны усвоить и соблюдать меру, которая придавала бы ей мягкость. ([William Shakespeare](#). Hamlet).

КИРИЛЛ. Бежала по лесу лисица.

КРИСТИНА (*замечая Шайхельисламова, в сторону*).
Вау! Вандефул! Какой жирненький! Самый цимис! Обал-
деть!

*Видя Лису, Тетерев забирается на стул с ногами,
садится на его спинку.*

КРИСТИНА (*приближаясь, кричит*). Что это такое?!
(*В манере Кловганта*). Ну-ка, мигом спуститься на землю!
Не валять дурака!!!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Щ-щас!

КРИСТИНА (*меняя тон и пластику*). Испугался? А! Да
пошутила я типа. Посмотри, малыш, тебе нравятся мои но-
ги? Окей? А грудь? Окей? Своя, не силиконовая! Слезай,
слезай. Если ты просекаешь в гламуре, – получишь удоволь-
ствие. Давай, слезай!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Не, я гламурами не страдаю.

КРИСТИНА. Вау! Ну, колхоз! Я только из Нью-Йорка,
была в Фонде Карнеги на Бильдербергской конференции.
И у меня есть новость.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Какая новость?

КРИСТИНА. О, суперская новость! Вышел закон на весь
мир: теперь все животные – друзья! Реально! Братья. И те-
перь между всеми будет одна только большая любовь. Кру-
то? А ты тут сидишь в глуши, ничего не знаешь. Так что сле-
зай с дерева. Слезай смело. Я тебе здесь все в деталях рас-
скажу. Ведь я же твой друг! Слезай.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Тоже мне новость! Ее все давно знают. Конечно, мы с тобой друзья. И, понятно, что между нами может быть одна только любовь. Сейчас спущусь...

КРИСТИНА. Давай, давай скорее. Мне не терпится по-дружески тебя... Ну, сам увидишь. Слезай.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Сейчас, сейчас. (*Вглядывается в даль*). Вот только рассмотрю, кто это там по полю к нам сюда спешит...

Богдан, Валентина и Каратыгин издают приглушенный лай.

КРИСТИНА (*насторожившись*). Окей! Кто это там? Посмотри, посмотри!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. А! Прекрасно! Сейчас новый закон мы отпразднуем в широкой компании друзей. Сюда бежит целая собачья свора!

КРИСТИНА (*в ужасе, хочет бежать*). Вау! Собаки?!
Приближающийся собачий лай.

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Да, собачки. Да куда же ты?! Собачки тоже знают, что вышел новый закон, и все звери теперь друзья... Эу, куда ты?..

КРИСТИНА (*убегая*). Да ну!.. Тут у вас реально такая глушь! Собаки негламурные, колхозные. Откуда им знать о новом законе?.. (*Скрывается*).

*Все артисты выходят, кланяются Клювганту, как это они
обыкновенно делают перед зрителями по окончании*

спектакля.

КЛЮВГАНТ. Ну, и что это такое? Что это за КВН? Что это значит? Что-то я не понял. (*Кириллу*). Это вы собираетесь поставить в моем... в нашем театре? (*Табаки*). Ты что скажешь?

ТАБАКИ. Я тоже ничего не понял. Ничегошеньки!

КЛЮВГАНТ (*Кириллу*). Ну, так что? Кто сказал «алеф», должен так сказать и «бейс». Вижу, вы так сплотились с коллективом. Мне кажется, вы тоже недовольны какими-то моментами.

КИРИЛЛ. Недоволен?.. Momentами? Одни при нынешнем режиме недовольны тем, как вы говорите, моментом, что дороги теперь выглядят так, будто вчера подверглись арт-обстрелу, и фонари по ночам зажигают только на главных улицах. Кто-то недоволен моментом засилья на телевидении, в газетах и радио оголтелой омерзительной лжи, кривляния, голых сисек-писек, дурной искаженной речи, сериалов, рассчитанных на пациентов психбольниц, бесконечной пошлости. Иные недовольны, что в больших городах поднялось уже несколько поколений молодых деградантов обоего пола, выращенных в ночных клубах на перманентной наркотической подпитке. К счастью, у них почти нулевая способность к производству потомства. Те недовольны теперь уже массовым производством искусственных болезней. И не важно, действительно ли они выращивают неких вирусных мутантов в своих паскудных лабораториях, или только силами

средств массовой информации взбивают в пену страх простодушных обывателей. Не нравится, что большинство женщин полностью растеряли бесценные способности, которые были им свойственны в течение многих поколений. Большинству не нравится, что ради осуществления самых примитивных стяжательских интересов взрывают дома в Нью-Йорке и Москве, сотнями убивают детей в Беслане, развязывают геноцид в Сербии, Палестине, Ираке. Конечно, руками презренных наймитов. Народ безмолвствует, хотя всем понятно: насилие организуется, оркеструется ростовщическим режимом, диктатурой финансового, сырьевого и военно-промышленного капитала. И ведь ради чего! Ради лакомой пищи, драгоценных нарядов, гладких шлюх и совершенно параноидальной тяги к утверждению своей исключительности. Каждый недоволен чем-то своим и стремится, если уж не бороться, то, во всяком случае, пенять на какую-то часть этого гигантского человеконенавистнического монстра, этого ненасытного обезумевшего народца, озаботившегося кураторством над миром. Так что корень зла, конечно, не в отдельных злоупотреблениях, а в самом житейском укладе мира, обусловленном жизнедеятельностью тех, кто им управляет. Так что быть недовольным, как вы говорите, «моментами» – бессмысленно. Надо зреть в корень.

КЛЮВГАНТ. Я вас так долго слушал, все не мог понять... Теперь ясно! Вам таки не нравится наше демократическое законно избранное правительство? Но вы же сами выбирали

правительство, президента...

КИРИЛЛ. Не смешите, Натан Фридманович, не настолько вы простодушный человек. Ну, кто и где выбирает президентов? Во всех странах, на которые распространяется ростовщический режим, президентов назначают. И какая разница, как там это оформляется в театральном плане: как кровавый путч, якобы честнейшие демократические выборы или оранжевый бунт? Назначает должностных лиц на наместничество в протекторатах настоящее правительство. Ведь президент – это всего-то артистка разговорного жанра. Конферансье, который выскакивает на трибуну и в меру своего актерского дарования озвучивает интересы своих хозяев – реального правительства. Это такая дрессированная обезьянка, услужливая и смышленная в независимости от того, какая на ней шкурка, белая или черная.

КЛЮВГАНТ. Ха-ха-ха. Да-да, приходилось, приходилось так слышать... Это такая теория заговора.

КИРИЛЛ. Да никакой особенной теории, никакого специального заговора не нужно. Вы же не станете отрицать, что в рыночном обществе его силой, его локомотивом являются деньги. Только их владелец способен корректировать законы рынка, да и вообще законы. Ну, и? Секрет ли, что деньги стекаются в руки крупных ростовщиков...

КЛЮВГАНТ. Это слово грубое.

КИРИЛЛ. Скажите, пожалуйста! Банкир лучше? Не имя безобразит человека. А с ростовщиками хозяева нефтегазо-

вых компаний, газетно-телевизионных концернов, главы мафий. Да чего им заговоры устраивать? Они и так, по обстоятельствам, уже в заговоре. Не о проблемах же хорватских детей им печься, правда же? Все, что их волнует, болтается внутри их небольшого народца.

КЛЮВГАНТ. Да? Так это еще и отдельный народ?! Скажите, скажите, какой же это?

КИРИЛЛ. Почему ж не сказать? Народ ростовщиков, народ шпионов, народ транзитных торговков и мошенников-фармацевтов.

КЛЮВГАНТ. Ха-ха-ха. Что-то не знаю я такого народа. Ну, первый русский вопрос – кто виноват? – вы для себя так решили. А как у вас со вторым русским вопросом – что делать?

КИРИЛЛ. А вот его можно решить только сообща. *(В зал).* Сейчас этот зал пуст, но когда в нем соберутся люди... разумные, предусмотрительные, просветленные, может быть, совместно они сообразят, что же необходимо осуществить, дабы побороть монстра. Я не знаю. Я думаю об этом, но... этот вопрос не решит в одиночку никакой родомысл. Только всем миром! Какой черный пустой зал... Но он наполнится... Я уверен, он наполнится людьми... и они поймут... и они решат... Ведь монстр жизнеспособен только в кривом, перевернутом мире, и стоит измениться окружающей среде, как он издохнет без дополнительных усилий. Монстр может побеждать только благодаря массовому ин-

формационному террору, тотальному контролю над обществом. Практически все, что человек видит, как белое, в мире монстра объявляется черным. И для поддержания такого положения в ход пущено все: от генной инженерии до упрощения наркотрафиков, от космических программ до ликвидации неисправимых.

КЛЮВГАНТ (*аффективно*). Какой ужас!

КИРИЛЛ. Да. Это точно – ужас. Замятину, Хаксли или Оруэллу такое и в голову б не вошло. Но успокаивает, что все это уже было.

КЛЮВГАНТ. Что вы говорите?!

КИРИЛЛ. Да и не раз, не десять, и не сто. Неизменно, когда какой-либо народ заболел, там появлялся монстр. Всякий раз он разъедал разнovidным развратом все человеческое в людях. И всякий раз, когда больной впадал в кому, в качестве спасителя-доктора являлись варвары, не ведавшие ни о гламуре, ни о счетчиках IQ, и в общество вновь возвращались основополагающие понятия – Честь, Справедливость и Верность. Люди, точно полумертвецы, поднявшиеся с одра, терли себе глаза и недоуменно шептали: «Что это? Что это было?! То были не мы! Не с нами это случилось. Мы ни за что не дошли бы до такого скотства...»

КЛЮВГАНТ. Очень интересно... Но все это таки абстракции. Некие темные силы. Где они живут? Кто таковые? Никакой ведь конкретики.

КИРИЛЛ. Где живут? Да везде. Нет, не совсем везде.

В больших благополучных в материальном отношении городах. В Женеве, Лондоне, Нью-Йорке, Москве, в Киеве, Мумбае, Торонто, Брюсселе, в Сиднее. А имена... Да имена ведь тоже известны...

БОГДАН (*выкрикивает*). Ротшильды!

КИРИЛЛ. Верно, Ротшильды.

ВАЛЕНТИНА. Вандербильты!

КИРИЛЛ. Вандербильты. Вот видите, народ знает.

КАРАТЫГИН. Мейеры, Страусы.

КИРИЛЛ (*подмигивая Ключеванту*). Надо же, оказывается это никакой не секрет! А еще Морганы, Рокфеллеры, Опенгеймеры, Заксы, Дойчи, Тейнеры, Вайнеры, Лазары, Гольдманы, Дрейфусы, Блюментали, Куны, Лебы, Абрахамы... И так сотня-полторы семей, богатейших кланов. Они-то и есть истинные игроки, настоящее правительство. А эти все, из телевизора, – так, субретки-инженюшки.

КЛЮВГАНТ. Видимо, умнейшие люди!

КИРИЛЛ. О! Не то слово! Разбомбить, изрешетить пулями, изрубить миллион иракцев, и больших, и малых, и честных воинов, и верных им жен, и неразумных детей, ради того, чтобы потом сосать на даровщинку нефть из карманов оставшихся в живых... Да-а, это свидетельство божественного ума!

КЛЮВГАНТ. Ну, ладно. Мы вовсе не для того здесь собрались, чтобы обсуждать вопросы нефтедобычи. До начала генеральной репетиции времени кот наплакал. (*Кто-то мя-*

укает. Легкий смех среди актеров). И я хотел бы потратить его на то, чтобы таки нормализовать наши отношения и...

ТАБАКИ (*радостно*). А все уже нормализовано!

КЛЮВГАНТ. ...обсудить вопрос преобразования нашего театра в коммерчески доходное, востребованное публикой предприятие. Нам не нужна эта мигрень. Поймите, это таки в ваших же интересах – подписать прошение мэру с просьбой о содействии, помощи в данном вопросе.

ТАБАКИ (*радостнее прежнего*). А все уже подписано!

КЛЮВГАНТ. Как подписано?

ТАБАКИ. А так, большинство наших актеров уже подписало обращение к Аркадию Семеновичу. Вот. (*Протягивает Кловганту листок, вновь каким-то фокусническим приемом выскочивший из его кармана*).

КЛЮВГАНТ (*читает*). Просим вас передать наш убыточный театр в частную собственность Натана Фрид... Ну, да, оно. Подписи. Таки есть подписи! Букетова. Черта лысого... Что это? Черта лысого – это что? Каратыгин. Благодарю покорно. Что такое? Шайхельсламов. Держи карман шире... Это что такое?!

КАРАТЫГИН. Вы же просили подписи.

ВАЛЕНТИНА. Вы их и получили.

Кловгант перебрасывает накаляющийся ненавидящий взгляд с одного артиста на другого, наконец его желтым-желтехонькие глазки останавливаются на Табаки, при этом физиономия Табаки начинает стремительно

бледнет, а лимонная физия самого Ключванта — набирает мандариновый цвет.

КЛЮВГАНТ. Смеяться надо мной?! (*Кириллу*). И ты с ними?

КИРИЛЛ. Я, безусловно, с ними.

КЛЮВГАНТ. А я еще хотел так дать ему постановку в своем театре! Иуда!

КИРИЛЛ. Это я-то Иуда? Очаровательно, Натан Фридрихович.

КЛЮВГАНТ. Так, может, это ты всех и настроил? *Артисты подходят к Кириллу, обступают его. Табаки в волнении мечется между артистами и директором театра.*

КИРИЛЛ. Может быть.

КЛЮВГАНТ. Аха! Вот оно что! Не радуйтесь: из трех пальцев больше одной фиги не скрутишь. Ой, вы думаете, мне так уж нужны эти ваши подписи? Да такие письма всего-то, как у них говорят, принимаются ко вниманию. И не более того. У меня все схвачено. Все! Я все контролирую. Вы себе и представить не можете, как я контролирую эту ситуацию. И все равно, будете вы гонять по театру кошек и перевешивать вывески арендаторов, не будете, все равно я приватизирую это помещение. Можете так не сомневаться ни одну минуточку. Вы-то не знаете, наши депутаты давно интересовались, почему это в центре города в таком шикарном здании располагается это убыточное совершенно ненужное

городу заведение. Как бластома на заднице. На ближайшей сессии горсовета депутаты рассмотрят мою просьбу, и постановят, как здесь написано (*потрясает листком*), передать убыточный театр в частную таки собственность Натана Фридмановича Ключганта.

БОГДАН. А если не постановят?

КЛЮВГАНТ (*от перевозбуждения, он явно утратил контроль над собой, и потому не в состоянии остановить поток слов, самопроизвольно вырывающийся из его искривленного рта*). Постановят. Постановят! И Аркадий Семенович, мэр наш, их поддержит. И будет здесь роскошное таки кабаре для приличных людей. А вас, бунтовщиков, я вышвырну вот туда, на улицу! На асфальт! Вы вылетите впереди собственного визга! Тоже мне, революционеры! Когда вас позовут на оранжевую революцию, вот тогда построитесь рядами и пойдете цивилизованно бунтовать. А не зовут, так сидите и молчите себе таки в тряпочку! И куда как забалаболили, затрепали языками: Ротшильды, героиновые пути, президенты, грабители Ирака, изобретатели фальшивых эпидемий! Много говорить стали! Вам вон дали темы – НЛЮ, экстрасенсы, уринотерапия, виагра, гороскопы... эта, как ее... лесси? Ненси?..

ТАБАКИ. Не-сси.

КЛЮВГАНТ. Что такое?! Что такое «не сси»?! Я и так ничего не боюсь. Снежный человек, трансвеститы, левитация, телепортация... Вот и обсуждайте. Отрицайте, согла-

шайтесь. А в большие дела не лезьте, не вашего таки ума дело!

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Если вам выпадет удача, это огорчает их; если вас постигнет несчастье, это радует их. Если же вы будете терпеливы и богобоязненны, то их козни ничуть не повредят вам. Воистину, Аллах ведает о том, что они вершат.

КЛЮВГАНТ (*сатанея*). И прекратите эти ваши... эти... эти фашистские цитаты!..

ШАЙХЕЛЬИСЛАМОВ. Умрите от своей злобы! Воистину, Аллах ведает о том, что в ваших сердцах.

БОГДАН. А театр этот – наш.

КАРАТЫГИН. Наш.

ВАЛЕНТИНА, И мы вам его не отдадим!

КЛЮВГАНТ. А театр ваш таки областной, вы это знаете? Так вот, нечего ему город засорять. Нет-нет, никто на вас не посягнет, никто. Просто после депутатской сессии отправитесь вы в какой-нибудь областной городок Масленкино, там и будете свое искусство совершенствовать.

КИРИЛЛ. Они могут подать в суд.

КЛЮВГАНТ. А-а! Заговорил! В суд?! Ну, попробуйте меня зацепить. У меня ведь не только в горсовете люди. И не только в вашем суде. Надо будет, – найдем кое-кого и в Национальном демократическом институте США, и в фонде Карнеги, и в фонде Фридриха Эберта, и в фонде «Ноу-хау», и «Открытое общество» Джорджа Сороса в беде

таки не бросит, и Фридом Хаус, и ЮСИА отзовется, и «Нью-Йорк Дейли Ньюс» напишет, как здесь у нас банда фашиствующих субъектов притесняет приверженца идеи рынка и демократических реформ. *(Неожиданно меняя тон)*. А разве к противостоянию я стремился? Ведь я хочу, чтобы наш театр превратился в богатое, востребованное таки учреждение. Боже мой, что же тут плохого? Я заботился о том, чтобы никто из вас не потерял работу. А ее сейчас так легко потерять, когда безработица таки растет и растет. И как тяжело найти! Куда вы пойдете? Вот вы, Валентина Михайловна? Ведь у вас двое детей?

ВАЛЕНТИНА. Двое.

КЛЮВГАНТ. Вот видите. Воспитываете вы их, поднимаете на ноги таки одна. А я, между прочим, подыскал для них места, помните, вы просили, в самом престижном лицее. Да, с усиленным изучением иностранных языков. И там мне таки дали два места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.